

Военные
Приключения

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУСТРАНИМЫ

МИХАИЛ ЧЕРНЕНОК

Военные приключения

Михаил Черненко

**Последствия
неустрашимы (сборник)**

«ВЕЧЕ»

1989, 1987

Черненко М. Я.

Последствия неустрашимы (сборник) / М. Я. Черненко —
«ВЕЧЕ», 1989, 1987 — (Военные приключения)

«В затемненной комнате на полу лежал ничком широкоплечий, крупный мужчина. Семенов несколько раз сверкнул фотовспышкой, потом подошел к окну и по просьбе прокурора отвел занавеску. Стало светлее. Следователь и судмедэксперт, не обнаружив телесных повреждений, повернули мужчину лицом кверху. Наступила молчаливая пауза...» В небольшом сибирском райцентре произошло серьезное преступление, расследовать которое вновь приходится Антону Бирюкову! А в романе «Завещание ведьмы» читатель вновь встретится с героями хорошо знакомой ему книги «Кухтеринские бриллианты».

© Черненко М. Я., 1989, 1987

© ВЕЧЕ, 1989, 1987

Содержание

Последствия неустраимы	6
1. ЧП в кооперативе «Иня»	6
2. Обморок Нади Тумановой	12
3. Редкий случай	15
4. Крутой разговор	18
5. Хачик Алексанян нервничает	22
6. Загадочная телеграмма	27
7. «Заявление» Ивана Стрункина	32
8. Разные версии	37
9. Провокация	40
10. Намечается посредник	45
11. Опять гранозан	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Черненко

Последствия неустрашимы (сборник)

© Черненко М.Я., 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Последствия неустрашимы

1. ЧП в кооперативе «Иня»

На редкость засушливое сибирское лето в последнюю субботу августа наконец-то раздождилось. Темно-сизые облака еще с пятницы плотно затянули небо. К полуночи они настолько затяжелели, что дождь хлынул как из ведра. Основательно прополоскав улицы райцентра, ливень на рассвете утих, но погода продолжала хмуриться.

В дежурной части районного отдела внутренних дел, несмотря на полдень, было пасмурно. Начальник уголовного розыска Антон Бирюков разговаривал с дежурным. Говорили об осеннем охотничьем сезоне, который открылся с утренней зари. Оба были заядлыми охотниками и теперь утешались тем, что дежурство спасло их от бессмысленного времяпрепровождения под проливным дождем на приречных утиных озерах.

Неожиданно у входа в райотдел остановился новенький зеленый уазик. Бирюков глянул в окно и узнал персональную машину начальника передвижной механизированной колонны «Сельстрой» Головчанского. Какое-то время из машины никто не показывался. Затем со стороны водителя медленно распахнулась дверца, и на мокрый асфальт тяжело ступил молодой мужчина в спортивной куртке и резиновых болотных сапогах с загнутыми голенищами. Это был Олег Туманов – шофер начальника ПМК. Антон заметил на его лице необычное выражение растерянности и повернулся к дежурному:

– Кажется, работа предстоит...

Туманов вошел в дежурную часть. Не поздоровавшись, сразу сказал:

– У меня на даче – мертвый человек...

Пока дежурный, собирая следственно-оперативную группу, щелкал кнопками селектора и названивал по телефонам, Антон узнал, что прошедшую ночь Туманов провел на охоте. Возвращаясь домой, он попутно завернул на свой дачный участок, чтобы нарвать луку да прочей зелени. Дверь дачного домика оказалась приоткрытой. Олег подумал, что на даче находится жена. Когда же вошел в домик, то увидел лежащего на полу вниз лицом мужчину. Стал тормошить его. Нечаянно взялся за кисть руки, а та – холодная, как у мертвеца. Внешность мужчины Туманов не разглядел, потому что небольшое дачное оконце закрыто плотной занавеской. Дверной замок не взломан. В домике вроде бы ничего не тронуто.

Первым из участников оперативной группы в дежурную часть вошел начальник райотдела подполковник Гладышев. Он хорошо знал шофера Туманова.

Бирюков пересказал подполковнику суть дела. Гладышев насупил седые брови.

– Может, жена прошлым вечером на даче была? Забыла, скажем, замкнуть дверь, а какой-то подгулявший пьяница забрел от дождя спрятаться...

– Я после охоты не видел жену. Прямо с дачи сюда приехал, – ответил Олег. – Да и не похож мужчина на пьяницу: одет нормально, и одежда сухая.

В дежурной части быстро собрались эксперт-криминалист капитан милиции Семенов, пожилой грузный прокурор Белоносов и следователь Петр Лимакин – вихрастый, с университетским ромбиком на новом форменном пиджаке. Тут же появился лысоватый, располневший судебно-медицинский эксперт Борис Медников. Пригласив из подвернувшихся, кстати, прохожих двух понятых, все направились к машинам.

Садоводческий кооператив «Иня», где была дача Туманова, находился недалеко от районного центра, на возвышенном берегу тихой речушки, от которой и получил свое название. Среди типовых деревянных построек, по соседству со стандартным домиком Туманова, мону-

ментально выделялась двухэтажная дача кирпичной кладки с высоченной остроугольной крышей.

– Это кто такой дворец отгрохал?! – удивленно спросил подполковник Гладышев, когда оперативники вылезли из машин и направились по засыпанной гравием дорожке к кооперативному участку.

– Начальник мой, – тихо ответил Туманов.

– Головчанский?! В какую же сумму обошелся такой терем Александру Васильевичу?

– Не знаю... Чужие деньги не люблю считать...

– Живут же некоторые... – буркнул судебно-медицинский эксперт Медников.

Гладышев обернулся:

– Сколько, по-твоему, здесь зарплат вложено?

– Если Головчанский получает, как министр, то ему минимум два года пришлось хлебать чай без сахара. А поскольку он в министры пока не вышел, то и на чай не остается...

Друг за дружкой подошли к даче Туманова. На крыльце, прикрытом широким карнизом, у самой двери чернела натоптанная грязь, а по ней отчетливо выделялись еще не просохшие отпечатки подошв резиновых сапог.

– Твои, Олег?.. – показывая на следы, спросил подполковник.

Туманов кивнул:

– Мои... Я ж заходил в дачу...

Прокурор объяснил понятным их права и обязанности, подождал, пока эксперт-криминалист Семенов обследовал дверь, и только после этого открыл ее. Оперативники вместе с понятными вошли в небольшую кухню, откуда через завешенный шторой дверной проем можно было пройти в комнату.

В затемненной комнате на полу лежал ничком широкоплечий, крупный мужчина. Семенов несколько раз сверкнул фотовспышкой, потом подошел к окну и по просьбе прокурора отвел занавеску. Стало светлее. Следователь и судмедэксперт, не обнаружив телесных повреждений, повернули мужчину лицом кверху.

Наступила молчаливая пауза – на полу лежал Александр Васильевич Головчанский, начальник передвижной механизированной колонны «Сельстрой»...

Антон Бирюков обвел взглядом комнату. Напротив окна у стены стояла никелированная кровать с незаправленной постелью. На большой подушке сохранилась глубокая вмятина, как будто совсем недавно в постели кто-то лежал. На спинку стоявшего у изножья кровати стула был наброшен новый светло-серый пиджак, принадлежавший, судя по размеру, потерпевшему.

– Кошмар!.. – проговорил Туманов и заволновался: – Ничего не понимаю! Александр Васильевич, можно сказать, на моих глазах уехал вчера в Новосибирск. Он ведь сегодня уже в Крыму должен отдыхать. Я видел у него билет на самолет до Симферополя!..

– Не спеши, Олег, – остановил подполковник Гладышев. – Давай без паники...

Туманов слотнул слюну. По его сбивчивому рассказу выходило, что вчерашним вечером, за полчаса до отправления из райцентра новосибирской электрички, он на служебной машине довез своего шефа до железнодорожного вокзала, помог вынести на перрон чемодан с вещами, пожелал хорошо провести отпуск, попрощался и прямо с вокзала уехал на охоту.

Гладышев показал на спинку стула:

– Пиджак Александра Васильевича?

– Его, – ответил Туманов.

В левом кармане пиджака оказалась распечатанная пачка сигарет и коробок спичек, в правом – связка латунных ключей на брелоке с золотистой русалкой. Перебирая ключи, следователь Лимакин спросил Туманова:

– К вашей даче здесь ни один не подойдет?..

– У меня другая конструкция замка...

Олег показал длинный двухбородчатый ключ. Лимакин заглянул во внутренний карман пиджака и вынул оттуда пачку совершенно новых сторублевки в разорванной с одного конца банковской упаковке. Денег насчиталось ровно три тысячи. Из другого внутреннего кармана следователь достал импортную авторучку с обнаженной женщиной и вместительный бумажник. В бумажнике лежали паспорт Головчанского, путевка в крымский пансионат «Солнечный», пятнадцать рублей разными купюрами и авиационный билет из новосибирского аэропорта Толмачево до Симферополя. Рассматривая в билете сделанные кассиром надписи, Лимакин посмотрел на часы:

– Вылет должен был состояться сегодня вечером...

– Как?! – удивился Туманов. – Александр Васильевич говорил, что утром сегодня уже будет в Крыму.

– Судя по билету, неправду он говорил...

Бирюков вышел из комнаты в кухню. Кроме двух самодельных табуреток да маленького стола, здесь ничего не было. Под столом белели несколько осколочков фарфора, вроде бы от разбитой чашки. Неожиданно дверь дачи бесшумно приоткрылась. С улицы в кухню заглянул небритый старичок в железнодорожной фуражке и тихонько спросил:

– Можно?..

– Нельзя, – сказал Антон.

Дверь мигом закрылась. Бирюков осмотрел кухонное окно. Не обнаружив на нем ничего подозрительного, решил поискать в кооперативе свидетелей. Когда он вышел на улицу, заглядывавший в кухню старичок стоял неподалеку от дачи Туманова и увлеченно что-то рассказывал высокой дородной женщине в красной вязаной кофте. Увидев Бирюкова, рассказчик умолк. Антон подошел к ним и попытался заговорить с женщиной, зная, что женщины, как правило, больше осведомлены о соседях, чем мужчины. Однако та испуганно заторопилась:

– Нет, нет, нет! Что вы, что вы! Истинное слово, я за соседями не подглядываю. У меня своих забот по горло хватает! – И кивнула в сторону старичка. – Вот Максим Маркович знает все обо всех из нашего кооператива. Вы уж лучше с ним побеседуйте.

Старичок словно этого ждал. Он облизнул кончиком языка потрескавшиеся губы и с достоинством заговорил:

– Что верно, то верно. Я человек наблюдательный. К примеру, могу сказать, давно такой вывод сделал: как дождик пройдет – грязь обязательно будет...

Бирюков улыбнулся:

– А вы, Максим Маркович, не видели, как Головчанский к даче Туманова проходил?

– Чего не видал, про то врать не стану.

– Говорят, умер Александр Васильевич на даче у Тумановых, – внезапно сказала женщина. – Правда ли?..

– Кто это говорит? – спросил Антон.

Женщина растерялась:

– Дак вот... Максим Маркович...

– Чего ты, Федоровна, на меня телегу катишь?! – задиристо вспыхнул старичок. – Я ж не конкретно тебе сказал...

– А как?

– Предположительно.

– Объясните свое предположение, – попросил Антон.

– Чего объяснять?.. Довелось мне видеть, как час назад Олег Туманов сломя голову выскочил из своей дачки и помчался на машине в райцентр. Из любопытства я подошел к окну и в щелку между занавеской увидел мужика на полу. По одежде и обличью фигуры – вылитый Сан Силич...

– Вы знакомы с Головчанским?

– Хо! Мы с Сан Силичем, без брехни, закадычные друзья. Я для его дачи рамы мастерилил...

Женщина с усмешкой проговорила:

– Сказал бы, что пустыми бутылками он тебя снабжает...

Старичок обиделся:

– Не надсмехайся. Бутылки – это бесплатное вознаграждение. Неужто Сан Силич сам потащил бы стеклотару в ларек сдавать? Руководителю предприятия таким пустяковым делом заниматься не к лицу, а мне лишняя копейка карман не продырявит. Да, к примеру сказать, тебе я тоже оказывал подобную услугу...

Женщина махнула рукой – что, мол, пустое слушать – и ушла в домик, расположенный напротив недостроенной дачи Головчанского. Максим же Маркович, слегка попахивая перегаром, разговорился с Бирюковым, словно с давним приятелем. Фамилия его, как узнал Антон, была Пятенков. Сорок с лишним лет он отработал путевым обходчиком на железной дороге. В прошлом году оформился на пенсию. Недавно схоронил старуху. С горя стал попивать вино, а до этого капли в рот не брал. Живет у сына. Помогает строить дачную избушку, оттого «большой частью днюет и ночует здесь, в кооперативе». Знал он, что «дачу Сан Силича возводит “дикая бригада” из пяти армян и семи бичей». Бригадирует армянин по имени Хачик, с прозвищем Тарзан. Строительство ведется главным образом вечерами, так как в дневное время бригада занята на каком-то государственном объекте.

– Как Головчанский расплачивался с бригадой? – спросил Бирюков.

– Должно быть, хорошо платит. Мужики вкалывают на совесть.

– Деньги где они получают: в конторе или у самого Головчанского?

– Чего не знаю, про то врать не стану... – Максим Маркович подзадумался. – Оно, как говорится, строительство дачи еще не закончено: внутренней отделки невпроворот. А, помнится, Хачик говорил одному «бичу», что деньги Сан Силич выложит на бочку, когда сдадут объект.

– Какой?

– Кто знает, какой объект подразумевался... Может, дача, а может государственный...

– Как он выглядит, этот Хачик?

Пятенков снизу вверх посмотрел на рослого Бирюкова:

– Телосложением – не слабее тебя и Сан Силича, годами – тоже в вашем с Сан Силичем возрасте, возле тридцати. Черный... Рычит тигром... Возможно, и не по злости – разговор у него такой грубый. Но глазищи у Хачика бандитские – это точно, хоть в церковь не ходи...

Рассказал Максим Маркович Антону и о том, как вчерашним вечером, когда электричка уже отправилась из райцентра в Новосибирск, здесь, на даче, бригадир Хачик и Головчанский «срезались на ножах». Из-за чего сыр-бор разгорелся, Пятенков не знал, но своими собственными ушами слышал, как Хачик пригрозил Александру Васильевичу: «Ох, начальник! За такие шутки на Кавказе башку отрывают!» Вся бригада сразу бросила работу и ушла. Максим Маркович в это время на втором этаже дачи вставлял оконные рамы. Когда он спустился, Головчанский сердито ходил по комнате из угла в угол. Увидев Пятенкова, спросил: «Выпить хочешь, Маркович?» Пятенков не отказался. Александр Васильевич принес откуда-то с веранды пузатенькую бутылку коньяка с завинчивающейся пробкой. Выпили по наперсточку, недолго поговорили о засушливом нынешнем лете. После этого Головчанский передал Пятенкову ключ от дачи и попросил: «Будь другом, Маркович, постереги мое хозяйство, чтобы эти бичи не растащили. Вернись из отпуска – заплачу. А теперь иди отдыхай, мне надо спокойно одному подумать...»

Пятенков сунул руку в карман и показал Бирюкову плоский бронзовый ключ от английского замка:

– Вот он, ключик Сан Силича!

– Вы можете нам показать, что там, внутри дачи? – спросил Бирюков.

– Отчего же не могу? Хоть сию минуту пойдем смотреть...

Внутри двухэтажный домина Головчанского был действительно еще не отделан. На полу засохли сгустки штукатурки. У стен громоздились плахи, шпунтовая рейка, большие листы добротной фанеры. Посередине просторной комнаты на нижнем этаже желтела кучка просеянного песка, рядом лежали бумажные мешки с цементом и алебастром, валялись строительные инструменты.

Пятенков провел оперативников по всему дому и, словно опытный экскурсовод, объяснил, где Головчанские планируют сделать кухню, где – зал для приема гостей, где – комнаты: хозяина, хозяйки, детскую. Когда «экскурсия» закончилась и оперативники спустились с верхнего этажа, Максим Маркович простодушно принялся пересказывать то, что уже рассказывал Бирюкову.

– Где те рюмки, из которых вы с Головчанским вчера выпивали? – спросил подполковник Гладышев.

Максим Маркович смущенно отвел глаза в сторону:

– Так мы всего по наперсточку из одного стакана дернули.

– Где тот стакан?

– Ну, может, не конкретно, что стакан, а как бы это... – окончательно смутился Пятенков и показал на эмалированную кружку, стоящую на ящике возле ведра с водой. – Вон из той посуды причастились.

Гладышев покачал головой:

– По полной?..

– Ни-ни! Говорю, по наперсточку, на донышке. Даже закусывать не стали.

В разговор вмешался прокурор:

– Перед тем как с вами выпивать, Головчанский трезвым был? – спросил он Пятенкова.

– Как стеклышко.

– А когда выпили, опьянел?

– Ни в одном глазу!

Прокурор, показывая на кружку, сказал следователю Лимакину:

– Оформи этот «наперсточек» на экспертизу...

Подполковник Гладышев отозвал Бирюкова в сторону, тихо спросил:

– Что скажешь, начальник розыска?

– Пока, Николай Сергеевич, ничего не скажу. Пытаюсь сообразить: почему Головчанский вчерашним вечером вместо Новосибирска оказался здесь, в кооперативе?..

– Чувствует мое старое сердце что-то недоброе... – Гладышев взглянул на жестикулирующего перед прокурором Максима Марковича. – Как бы этот свидетель не оказался обвиняемым...

Бирюков промолчал.

– Эх, неприятность... – Подполковник досадливо щелкнул пальцами. – Хотя, знаешь, Антон Игнатьевич, вскрыет Борис Медников труп, а там обыкновенный инфаркт без малейших признаков насильственной смерти.

Бирюкову была понятна озабоченность начальника милиции. Лишение человека жизни – одно из самых тяжких преступлений. Вред, причиненный большинством правонарушений, можно как-то компенсировать, устранить или уменьшить. Последствия же убийства неустрашимы.

– Все может быть... – ответил Антон вслух, а про себя подумал, что даже при «инфарктном исходе» смерть Головчанского – такой орешек, над которым придется в первую очередь маяться ему – начальнику отделения уголовного розыска.

– Какие неотложные действия считаешь нужным провести? – спросил подполковник.

– Прежде всего, надо установить, почему Головчанский вчера не уехал из райцентра...

2. Обморок Нади Тумановой

С места происшествия Бирюков возвращался в райцентр с Олегом Тумановым. Ехали в машине вдвоем. Антон завел разговор о Головчанском, однако Туманов, к сожалению, оказался из той категории личных шоферов, которые порой даже во вред делу старательно берегут репутацию своего шефа. По ответам Олега получалось, что Александр Васильевич был не только прекрасным руководителем, но и человеком, безупречным во всем.

– А вот дачу, кажется, не по карману себе он замахнул, – сказал Бирюков.

– О чужом кармане судить трудно, – не отрывая взгляда от раскисшей проселочной дороги, ответил Туманов. – Александр Васильевич вместе с заработком жены имел почти шестьсот рублей в месяц. Семья у него небольшая, всего один сынишка-первоклассник.

– Кем жена Головчанского работает?

– Старшей лаборанткой контрольно-семенной станции.

– Как они между собой жили?

– Нормально.

– В материальном плане – тоже неплохо?

– Ну!

– Машину собственную имеют?

– В прошлом году «Волгу» купили.

– Вот видишь: в прошлом году – «Волга», нынче – дача. Для таких расходов шестьсот рублей в месяц маловато, а?..

– На машину Александр Васильевич у родственников деньги занял... А дача ему дешево обошлась... Бракованные же материалы использовал, цена им – копейка...

– Что-то не заметил я бракованного.

– Из брака всегда можно выбрать дельное.

– Почему это дельное не используется на государственной стройке?

– Потому что невыгодно, скажем, из тысячи битого кирпича выбирать полтора-два десятка дельных.

– Выходит, для себя – выгодно, а для государства – нет?

– Ну... это разные вещи...

Стараясь не навязывать Туманову своего мнения, Бирюков перевел разговор на «дикую бригаду», строившую, по словам Максима Марковича, дачу Головчанского. Олег стал вроде бы откровеннее. Он хорошо знал бригадира Хачика Алексаняна и считал его наглым рвачом. С мая бригада по договору с ПМК строила в райцентре восьмиквартирный дом, а вечерами подрабатывала у Головчанского, запросив с того полторы тысячи рублей. Когда же Антон заикнулся о конфликте между Хачиком и Головчанским, Туманов снова встал на защиту шефа:

– Хачик со всеми зубатится. Он бесплатно шагу не шагнет.

Замолчали. Уазик, рыча мотором, то и дело расплескивал по сторонам попадающие на пути дождевые лужи.

– Олег, почему Головчанский вместо Новосибирска оказался у тебя на даче?.. – опять спросил Бирюков.

– Откуда я знаю... – Голос Туманова дрогнул. – Стреляться мне теперь, что ли? Или грязью Александра Васильевича поливать, если он на моей даче умер?..

– Ни того ни другого делать не надо. Пойми, Олег, загадка смерти твоего шефа все равно будет разгадана. При этом наверняка вскроются факты, о которых ты умолчал. На языке юристов такое «молчание» называется укрывательством. Оно уголовно наказуемо...

Туманов с повышенным напряжением уставился на дорогу. В конце концов он все-таки разговорился.

В последние дни перед отпуском Головчанский, как всегда, был весел и энергичен. С утра до вечера разъезжал по объектам, выколачивал через высшее начальство материалы, производил перестановку бригад. Словом, человек хотел, чтобы во время его отпуска работа шла своим чередом. И лишь вчера, в день отъезда, Александр Васильевич с самого утра ходил мрачнее тучи. Накануне в ПМК приехал начальник отдела труда и заработной платы «Облсельстроя». Видимо, у Головчанского состоялся с ним неприятный разговор. Собственно, сверхъестественного в этом ничего не было – областное начальство всегда «снимает с подчиненных стружку», хочет и план выполнить, и экономию иметь.

– Головчанский тебе что-то рассказывал о том разговоре? – спросил Бирюков.

– Нет, это мои предположения.

– Постарайся, Олег, припомнить, как ты вчера расстался с Головчанским на вокзале.

– Нормально мы с ним расстались. Александр Васильевич перед отъездом повеселел.

Купил в районном ресторане на дорожку бутылку «Плиски». Я хотел дожидаться, когда придет электричка, чтобы посадить его в вагон, но он сказал, мол, поезжай охотиться, а то все лучшие места на озерах застолбят...

– Где и с кем ты охотился?

– На Моховом озере... Я всегда один туда езжу.

– На вокзале Головчанский ни с кем не встречался, не разговаривал?

– При мне – нет. Народу на перроне немножко было. В пятницу ведь из райцентра в Новосибирск редко кто едет. Оттуда сюда народ на выходные валом валит.

– Значит, Александр Васильевич любил коньяк?

– Нет, выпивкой он не увлекался, – быстро ответил Туманов.

– Как же бутылка «Плиски» на дорожку?..

– В отпуск человек ехал, хотел в Новосибирске повидаться с другом.

– Фамилию или имя его не упоминал?

– Нет.

– Что, по-твоему, могло привести Головчанского к тебе на дачу? – опять спросил Антон.

– Сам об этом думаю... – Туманов помолчал. – Давайте заедем, поговорим с моей женой.

Может, Надя что-то знает...

– Она знакома с Головчанским?

– Ну... относительно, как с моим начальником и соседом по даче...

Надя Туманова – розовощекая симпатичная толстушка в васильковом платье – сосредоточенно протирала полотенцем вымытые стекла распахнутого настежь окна. Когда Олег и одетый в милицескую форму Антон вышли из остановившейся у подъезда машины, она вскинула руки, словно хотела поприветствовать мужа, и мгновенно исчезла из вида.

Бирюков, войдя следом за Тумановым в узкий коридорчик квартиры, обратил внимание на необычную тишину. Олег, видимо, рассчитывал, что жена встретит неожиданных гостей у порога, но, не увидев ее, растерянно обернулся к Антону, затем шагнул из коридора в комнату.

– Надя!.. Что с тобой, Наденька?! – раздался оттуда его испуганный голос.

Бирюков заглянул в комнату – Туманова с прижатым к груди полотенцем лежала навзничь на сером паласе. Глаза ее были закрыты.

– Обморок, – догадался Антон. – Нашатырный спирт есть?

Олег в грязных охотничьих сапогах бестолково заметался по чистой квартирке. Кое-как он отыскал в тумбочке под трюмо домашнюю аптечку, дрожащими пальцами принялся открывать один из флакончиков. Бирюков смочил нашатырным спиртом ватку и помахал ею перед Надиным лицом.

Туманова вздрогнула. Постепенно щеки ее начали розоветь. Олег отодвинул ногой лежащую на боку табуретку, бережно поднял жену с пола и перенес на диван. Присев на корточки, опять спросил:

- Что с тобой, Надя?..
- Табуретка подвернулась... упала... – прошептала она, наконец придя в себя.
- Как же ты так неосторожно?..
- Устала... голова закружилась...

Надя открыла глаза и непонимающим взглядом уставилась на Антона. Какое-то время она вроде бы мучительно пыталась что-то сообразить, но вдруг болезненно поморщилась и спросила:

- Ты что сделал, Олежек?
- Ничего.
- А почему... с милицией?..
- Милиция, Наденька, не по мою душу... Александр Васильевич Головчанский умер.
- Как умер? – закрывая глаза, еле слышно прошептала Надя.
- А никто не знает, как... В нашей даче его нашли.
- Почему в нашей?
- Говорю, никто не знает. Ты вчерашним вечером была на даче?
- Была.
- Дверь на замок закрывала?

Надя вялым движением руки потерла горло, как будто ей очень трудно было говорить.

Еле-еле выдавила:

- Потеряла я ключ.
- Когда?! Где?! – удивился Туманов.
- Вчера... Наверное, на грядках.
- Ну, как же это ты?
- Не знаю... Домой собралась... Хватились – ключа нет...
- И дверь дачи открытой оставила?
- Ну.
- Александр Васильевич к нам на дачу не приходил?
- Нет.
- А в кооперативе он вечером был?
- Не знаю... Не видела...
- Голову не ушибла?
- Ничего... Сердце со вчерашнего дня, как на охоту уехал, заболело... Думала, с тобой

что-то случилось...

- Вот еще бред! Я не новичок в охоте. Что со мной случится... Вызвать врача?
- Не надо, скоро пройдет...

Бирюков понял, что сейчас с Надей Тумановой говорить не о чем. Олег вместе с Антоном вышел из квартиры на лестничную площадку и смущенно стал объяснять:

- Беременность у Нади, третий месяц, первый ребенок...
- Она вроде чем-то перепугана, – сказал Антон.
- Не могу понять...
- Не Головчанский ли ее напугал?
- Не знаю.
- Обмороки часто случаются?

– Нет, это впервые. Но она в какой-то жуткой тревоге все время. Я даже с врачами по этому поводу консультировался. Говорят, такое бывает с молодыми матерями... Мы ведь пять лет ждали ребенка...

3. Редкий случай

Выходной день для сотрудников уголовного розыска – понятие относительное. Несмотря на воскресенье, Антон Бирюков пришел в РОВД с самого утра. Вскоре стали подходить другие участники следственно-оперативной группы. Собрались в кабинете подполковника Гладышева. Последним явился судебно-медицинский эксперт. Вид у него был усталый, словно он не спал всю ночь. Поздоровавшись, Медников передал прокурору заполненный на машинке стандартный бланк и грузно опустился на стул рядом с Бирюковым.

– Чем порадуешь, эскулап? – спросил Антон.

Борис вздохнул:

– Радости нет. Пришлось приглашать на помощь специалистов из Новосибирска, чтобы срочно сделать химическое исследование. Случай крайне редкий, почти уникальный... Отравление гранозаном.

– Гранозаном?.. Которым предпосевную обработку семян проводят?

– Угадал, сыщик.

– Это точно?

– Как в аптеке на весах.

Подполковник Гладышев сосредоточенно нахмурился:

– Расскажи, Боря, подробнее. Что это за штука, гранозан?

– Ртутьорганический препарат против грибковых и бактериальных болезней растений.

В чистом виде – белое кристаллическое вещество со специфическим запахом. Выпускается обычно подкрашенным dustom. Среднесуточная гигиеническая норма в атмосферном воздухе не должна превышать одну десятитысячную миллиграмма на кубический метр... – Медников сделал паузу, встретился с подполковником взглядом и добавил: – А кушать гранозанчик, Николай Сергеевич, категорически запрещено – помереть можно.

– Каким образом Головчанский его «скушал»?

– С коньячком-с... Судя по наличию в желудке потерпевшего алкоголя и ртути, яд был растворен в коньяке, а товарищ Головчанский неосторожно изволил тот коньяк выпить. Происшедшие в организме тяжелые изменения позволяют сделать вывод: доза яда была значительна и смерть наступила в считанные минуты. Случилось это вчера, между шестью и семью часами утра.

– По-твоему, можно предполагать, что Головчанский выпил отравленный коньяк на даче Туманова и там же скончался?

– Не исключено.

Следователь Лимакин недоверчиво проговорил:

– Куда в таком случае коньячная бутылка исчезла?..

– По бутылкам я не специалист, – буркнул Медников.

Лимакин повернулся к эксперту-криминалисту Семенову:

– Мы ведь все зачатки и даже овощные грядки на даче обшарили...

– Ключа там не нашли? – спросил Бирюков.

– Нет... Не могла же бутылка испариться. Значит, кто-то унес ее...

– Шерше ля фам, – опять пробурчал Медников.

– Что, что, Боря? – недослышал Лимакин.

– Как говорят французы – ищите женщину.

– По неприбранной постели на месте обнаружения трупа судишь?

– Постель – пустое место. На правом плече потерпевшего сохранился характерный синячок, вроде бы от крепкого поцелуя.

Прокурор передал медицинское заключение подполковнику Гладышеву:

– Придется возбуждать уголовное дело и раскрывать преступление.

Подполковник быстро прочитал машинописный текст, положил листок на стол перед собою и обвел взглядом присутствующих.

– Наверное, надо обсудить вопрос, чем мы располагаем на сегодняшний день, и прикинуть версии, которые следует отработать в первую очередь?..

– Надо бы, Николай Сергеевич, попытаться найти чемодан, с которым, по словам Олега Туманова, Головчанский хотел ехать в отпуск, – сказал Бирюков.

– Разумное предложение, – согласился Гладышев. – Где, по-твоему, его искать?

– Логически рассуждая, если Головчанский решил отложить отъезд, допущим, до утренней электрички, то самым удобным для него было оставить вещи в вокзальной камере хранения.

– Правильно! – поддержал Бирюкова следователь Лимакин. – Дома, во всяком случае, Александр Васильевич не появлялся. Вчера, вернувшись с происшествия, я разговаривал по телефону с его женой. Она уверена, что муж уже отдыхает в Крыму. Кстати, любопытная деталь – жене, как и Олегу Туманову, Головчанский сказал, что вылет из Новосибирска в субботу утренним рейсом. На самом деле авиабилет у него был на субботний вечерний рейс. Значит, ехать в Новосибирск в пятницу Головчанскому крайней необходимости не было... – Лимакин чуть помолчал. – Мне думается, Александр Васильевич не случайно обманул жену и своего шофера. Он заранее планировал заночевать в райцентре и, видимо, с любовницей...

Гладышев задумался:

– Мне казалось, что Головчанский не ловелас.

Следователь быстро достал из портфеля обнаруженные в карманах пиджака Головчанского брелок с золотистой русалкой и авторучку, в прозрачном корпусе которой потягивалась обнаженная красotka.

– Видите?.. Судя по этим вещичкам, их владелец был равнодушен к женским прелестям.

– Возможно... – Гладышев посмотрел на Антона. – Кому из оперативников поручим поиск чемодана?

– Славе Голубеву.

Подполковник по селектору передал распоряжение дежурному. Возобновляя прерванный разговор, обратился к капитану Семенову:

– Что эксперт-криминалист скажет?

– Ничего.

– Даже отпечатков... – Гладышев пошевелил пальцами, – на крышке кухонного стола не осталось?

– На дактилопленку удалось снять единственный отпечаток правой ладони потерпевшего. И тот несколько смазан. Все другие отпечатки со стола стерты.

– Ну а общее впечатление?

– Преступление совершено предусмотрительным человеком.

– Наверняка этот человек – женщина! – громко сказал Лимакин.

Борис Медников, усмехнувшись, ткнул локтем в бок Бирюкова:

– Подбросил я следователю версию... – И заговорил серьезно: – Нельзя, друг мой Петя, безоговорочно брать на вооружение крылатую французскую фразу насчет женщины. Головчанский перед отъездом мог целоваться с законной супругой...

Разговор невольно переключился на чету Головчанских.

...Александр Васильевич приехал работать в райцентр с дипломом инженера-строителя сразу после окончания института. За каких-то шесть-семь лет он уверенно прошагал служебную лестницу от начинающего мастера до начальника крупнейшей в районе строительной ПМК. К моменту смерти это был физически крепкий тридцатипятилетний мужчина: обаятель-

ный в общении со всеми людьми, любящий острую шутку, часто подтрунивающий над собой и никогда не обижающийся на справедливую критику. В случае же несправедливости умел дать достойный отпор. Возглавив «Сельстрой» в ту пору, когда ПМК еле-еле сводила концы с концами, Головчанский быстро сумел вывести «фирму» из прорыва в число передовых организаций района, что убедительно говорило о его незаурядных способностях руководителя.

Приехав в район, Головчанский вскоре женился. Прокурору и подполковнику Гладышеву приходилось встречаться с четой Головчанских на официальных праздничных торжествах, поэтому оба они были знакомы и с женой Александра Васильевича. Софья Георгиевна Головчанская была полной противоположностью мужу. Невзрачная с виду – кожа да кости, – она постоянно маялась какими-то болезнями, а на ее худом продолговатом лице держалась вымученная, неестественная улыбка.

– На месте Головчанского я отбил бы супругу у личного шофера, – неожиданно сказал Борис Медников.

Бирюков посмотрел на судмедэксперта:

– Ты знаешь Надю Туманову?

– Она в хирургическом отделении сестричкой работает. Премиленькая хохотушка.

– А в ее поведении за последнее время заметных изменений не произошло?

– Чего ей меняться?

– Олег сказал, что Надя на третьем месяце беременности...

– Эка невидаль для молодой замужней женщины!

– Меня интересует: происходят ли в этот период беременности какие-либо серьезные изменения в женском организме?

– Женись – мигом узнаешь все изменения.

– Давай серьезно, Боря. Я почему этот разговор завел... Вчера, когда мы с Олегом заявили к нему домой, Надя в обморок упала. Может это случиться от какого-то психического расстройства, связанного с беременностью?

– При трехмесячной беременности психовать еще рано.

– Боря, а по каким каналам преступник мог раздобыть гранозан? – спросил следователь.

Медников пожал плечами:

– Его в любом колхозе и совхозе, когда «Сельхозхимия» ведет предпосевное протравливание семян, без всяких каналов хоть пруд пруди. К сведению, ушлые огородники всяческими неправдами умудряются доставать гранозан и тоже применяют его, чтобы овощи лучше росли.

– Хочешь сказать, и в кооперативе «Иня» этот ядовитый препарат мог запросто оказаться?

– Почему бы нет...

Следователь поморщился:

– Загадал Александр Васильевич нам загадку...

Подполковник Гладышев еще раз пробежал взглядом заключение медицинской экспертизы, задумался:

– Что-то не могу припомнить случая, чтобы до Головчанского в нашем районе умирали от гранозана.

Медников повернулся к нему:

– Смертельный исход от этого ядохимиката наблюдается крайне редко.

– Умышленное отравление?

– Не берусь утверждать...

Зазвонил телефон. Голубев доложил подполковнику, что чемодан Головчанского обнаружен в ячейке номер 18, закрытой кодом В-319, автоматической камеры хранения ручного багажа на железнодорожном вокзале. Софья Георгиевна Головчанская в присутствии понятых уверенно опознала не только чемодан, но и находящиеся в нем вещи.

4. Крутой разговор

В понедельник Антон Бирюков начал рабочий день с посещения конторы ПМК «Сельстрой». О смерти Александра Васильевича Головчанского, как выяснилось, здесь уже знал чуть ли не каждый сотрудник. Сохранить тайну столь серьезного происшествия в небольшом городке оказалось практически невозможным.

В роскошном кабинете с табличкой «Начальник ПМК» Бирюкова принял молодой полнотелый главный инженер, исполняющий обязанности руководителя организации. О своем бывшем начальнике он сразу заговорил в превосходной степени: «Прекраснейший человек был! Талантливейший строитель! Умел выполнять производственные задания в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Бескорыстно внедрил в производство уйму всяческих рацпредложений. С подчиненными жил душа в душу, но трудовую дисциплину в коллективе держал на уровне. Его слово для рабочих было законом...»

Когда же Антон поинтересовался, на каких условиях работает в ПМК наемная бригада Хачика Алексаняна, главный инженер с внезапной озабоченностью принялся перебирать на столе бумаги, как будто хотел найти в них что-то позарез нужное.

– Откровенно говоря, к этой бригаде лично я не имею ни малейшего отношения, – неожиданно сказал он.

– Как же так? – возразил Бирюков. – Насколько известно, должностная инструкция предписывает главному инженеру командовать производством. Вы непосредственно отвечаете за расход фонда заработной платы и, следовательно, обязаны контролировать работу всех бригад.

– Жизнь часто не укладывается в рамки инструкций. У меня чрезвычайно большая нагрузка. Вдобавок, нынче с самой весны зашились на ввводном животноводческом комплексе в совхозе «Победитель». Ну прямо не передохнуть... – Главный инженер наконец бросил перебирать бумаги. – Поэтому Александр Васильевич взял строительство дома, где занята бригада Алексаняна, под свой контроль. Не могу же я не доверять начальнику ПМК. Правильно?..

– Неужто даже об условиях, на каких нанята бригада, Головчанский вам не сказал?

– Ни слова не говорил.

– Странно...

– Как вам сказать... В строительных делах много странного.

– Вы не присутствовали в пятницу при разговоре Головчанского с представителем «Облсельстроя»?

– Нет, в пятницу я весь день находился в «Победителе»... Собственно, представитель еще не уехал от нас, пригласить?..

– Пригласите.

Главный инженер через секретаря передал распоряжение. Очень скоро в кабинет без стука вошел солидный высоколобый мужчина лет под пятьдесят.

– Глеб Гаврилович Русаков, начальник отдела труда и заработной платы областного управления, – представился он Антону. – Кстати, ваш земляк, уроженец села Заречного.

– Назар Гаврилович кем вам доводится? – чуть подумав, спросил Антон.

– Родным старшим братом. Знаете его?

– В прошлом году довелось познакомиться.

– Наверное, когда магазин в Заречном обворовали?

– Да.

– Рассказывал Назар, как по бездумью какого-то паренька чуть жизни не лишился. – Русаков передвинул поудобнее стул, спокойно уселся и, облокотясь на стол, сказал: – Понимаю, что не ради прошлогоднего случая меня пригласили. Чем могу быть полезен уголовному розыску?

– Расскажите, Глеб Гаврилович, о чем вы говорили с Головчанским в пятницу, – попросил Антон.

– Крутой разговор у нас состоялся... – Русаков потер ладонью подбородок и повернулся к главному инженеру. – Позови Окуневу. Иван Иванович был свидетелем того разговора, может уточнить, если я что-то запамятовал.

– Окунев – начальник нашего отдела труда и зарплаты, – пояснил главный инженер и коротко бросил заглянувшей в кабинет белокурой секретарше: – Ивана Ивановича – срочно!

Сутулый Окунев появился на пороге кабинета бесшумно. Перед собою он держал, как щит, потертую кожаную папку. Тихо поздоровался и с виноватым видом, будто предчувствуя нахлобучку, сел поодаль от Русакова. Русаков сразу заговорил:

– Хотя и неловко вспоминать о мертвом с негативной стороны, но приходится... Очень крутой разговор состоялся у меня в пятницу с Головчанским. Соль вот в чем... ПМК строит для своих рабочих восьмиквартирный дом. Головчанский заключил договор с наемной бригадой, установив заработную плату в тридцать тысяч рублей. Мы знаем, что наемным бригадам часто переплачивают, но тридцать тысяч за восьмиквартирный дом это, извините меня, не лезет ни в какие ворота. Я приказал Головчанскому ликвидировать прежний договор с Алексаняном и пересчитать все по расценкам с аккордно-премиальной доплатой в сорок процентов, плюс премия за ввод, плюс премия по хозрасчету. Признаюсь, такие условия слишком щедрые, но и то... сумма зарплаты оказалась меньше двадцати пяти тысяч. Таким образом, более пяти тысяч рублей Головчанский хотел выплатить Алексаняну, мягко говоря, ни за что. Вот об этом я и сказал Головчанскому. Более того, спросил прямолинейно: «Не греешь ли ты, Александр Васильевич, на этом доме собственные руки?» Головчанский вспылал, но, когда я намекнул, что дело пахнет вмешательством ОБХСС и прокуратуры, стал оправдываться, как нашкодивший ребенок... – Русаков сурово глянул на Окуневу: – Так, Иван Иванович, было?

Окунев угодливо кивнул:

– Все правильно, Глеб Гаврилыч.

– Разве Головчанский вправе был заключать договор на явно завышенную сумму? – спросил Антон.

Русаков указал пальцем на съжившегося Окуневу:

– Вот кто первый должен был одернуть его!

Окунев виновато кашлянул:

– Я ведь объяснял, Глеб Гаврилыч, что когда Александр Василич приказал мне набрать Алексаняну тридцать тысяч по зарплате, я возражал: «Тридцать – много». Он не посчитался с моим возражением, сказал: «Дом по плану нынче не вводный. Надо вводить, чтобы поселить людей. Своими силами строить – пять лет проваландаемся, армяне же за сезон сделают. Когда введем дом – фонд зарплаты “Обсельстрой” добавит, никуда не денется».

– Почему о таком купеческом растранижении государственных средств не сообщил мне?! – повысил голос Русаков.

– Я ведь объяснял, Глеб Гаврилыч, что год до пенсии остался... Не рискнул напоследок вступить в конфликт с Александром Василичем.

– Прикажу полностью лишить тебя премиальных – забудешь про пенсию!

– Воля ваша...

– Моя воля – государственную копейку беречь! Кстати, и тебе следует этим заниматься, пока работаешь, а не о пенсии думать.

В разговор вклинился главный инженер:

– Не в собственный же карман хотел положить эти пять тысяч Головчанский...

Русакова словно укололи:

– Серьезно?! Ты, главный инженер, искренне веришь в то, что руководитель предприятия бескорыстно выкидывает псу под хвост такую кругленькую сумму?..

Полное лицо главного инженера порозовело:

– Александяну не жалко переплатить – строит добротню.

– Клуб в Березовке он строил в прошлом году?

– Кажется, он.

– Не кажется, а точно – он! Сколько там перерасходовали по зарплате?.. Забыл?.. Подкажу: пятнадцать тысяч! Я специально вчера и позавчера объехал с Окуневым все ваши стройки. Ой, лихо разбазариваете деньги! Ой, разбазариваете... – Русаков сокрушенно покачал головой. – И вот еще что я заметил. Александян у вас окопался крепко, третий год по весне, как грач, сюда прилетает из теплого края. И каждый объект у него с перерасходом зарплаты в пять, десять, пятнадцать тысяч. Представляешь, сколько он из ПМК дармовых денег высосал?..

– Не забывайте, Глеб Гаврилович, что Александян и материалы сам добывает, которых у нас нет, – робко проговорил главный инженер.

Русаков поморщился:

– Не ищи лазейки. Уж кому-кому, а мне не заливай про белого бычка. Нашли добытчика – Александяна! Этот добытчик, будет тебе известно, уже посадил одного нашего начальника ПМК на восемь лет с конфискацией имущества. Сам выкрутился, доказал на суде, что взятки у него вымогали. Теперь здесь золотую жилу откопал. Я не случайно восьмиквартирным домом заинтересовался. Как увидел в договоре фамилию «Александян», мигом сердце екнуло... – Русаков внезапно обратился к Антону: – Председатель березовского колхоза Игнат Матвеевич – ваш однофамилец или родня?

– Это мой отец.

– Да?.. Тем лучше – у него можете уточнить. Знаете, что Игнат Матвеевич мне рассказал? Мало того, что Головчанский переплатил Александяну пятнадцать тысяч по зарплате, он еще и у колхоза три с половиной тысячи выщеганил, вроде как поощрение наемной бригаде за досрочный ввод клуба в эксплуатацию. Впечатляющие цифры!.. – Русаков задумался и понизил голос: – С Головчанского теперь, как говорится, взятки гладки, но Александяна надо потрясти. Я, например, не удивлюсь, если окажется, что этот шабашник – основной виновник смерти Александра Васильевича. По-моему, чего-то они не поделили между собой.

– Ясно, Глеб Гаврилович, чего: зарплату ведь по дому при пересчете на пять тысяч урезали, – вставил Окунев.

– А сколько всего этот дом стоит? – спросил Антон.

– Сто пятнадцать тысяч.

Главный инженер посмотрел на часы:

– Ух, времечко куда ускакало! Извините, мне надо срочно ехать в «Победитель» – там областная комиссия на комплексе должна собраться...

– Поезжай, – устало сказал Русаков и перевел взгляд на Окунева: – Ты, Иван Иванович, тоже делом займись. К концу дня – кровь из носа – закончи подробную справку по вводным объектам. И запомни: без очковтирательства!..

Едва только главный инженер и Окунев вышли из кабинета, Русаков словно обмяк. Лицо его сделалось грустным. Тыльной стороной ладони он потер высокий выпуклый лоб, виновато глянул Антону в глаза и заговорил:

– Сгустил я краски, рассказывая о Головчанском. В целях профилактики хотел припугнуть главного инженера, чтобы не вздумал по традиции разбазаривать фонд зарплаты, да, кажется, увлекся...

– Хотелось бы, Глеб Гаврилович, знать истинное лицо Головчанского, без «профилактических целей», – заметил Антон.

– Понимаю...

Русаков вздохнул и заговорил без начальственного апломба: спокойно, рассудительно. И сразу в представлении Антона начал складываться иной образ бывшего начальника ПМК –

деятельного, эрудированного и грамотного инженера, умеющего ладить с подчиненными. Вот только не нравилось Русакову, что в последние годы Александр Васильевич увлекся наемными бригадами, хотя особо предосудительного в этом как будто и не было. Строят такие бригады, как правило, быстро и добросовестно. Иными словами, переплачивая порою шабашникам в зарплате, ПМК выигрывает на досрочном вводе объектов в эксплуатацию, а это при современном размахе строительства – немаловажный положительный фактор.

– Выходит, наемные бригады – не столь уж плохое дело? – спросил Антон.

– В принципе – да. Шабашники часто нас выручают. Но и подводят тоже нередко, поскольку их деятельность, говоря спортивным языком, постоянно на грани фола. Тут и завышенные объемы, и приписки. Подобные факты порой приводят нечистоплотных на руку людей к взяточничеству и хищениям.

– Это вы и имели в виду, когда говорили, будто Александян с Головчанским что-то не поделили?

– Сказать-то такое сказал, да вот пораскинул умом и засомневался. Признаюсь, в начальники ПМК Головчанский вышел по моей протекции. Я постоянно к нему приглядывался, сурово распекал за малейшие производственные грешки, но никогда не замечал за Александром Васильевичем корыстных нарушений. Не мог же он так маскироваться...

Антон решил досконально выяснить, как формируются и работают наемные бригады. Русаков прекрасно знал «систему шабашников». Сколачивает такое добровольное объединение пройдоха-бригадир, который умеет и выгодный договорчик заключить со строительной организацией и при необходимости различными плутовскими махинациями раздобыть для стройки недостающие материалы. Он же подбирает людей в бригаду. Берет обычно пять-шесть человек с высокой квалификацией, а остальных – случайно подвернувшихся, для черновой работы: землю копать, стройматериалы подносить, бетонный раствор приготовить и так далее и тому подобное.

– Словом, «бичи» делают самую грязную и малооплачиваемую работу, – с усмешкой сказал Русаков.

– Как им платят?

– Зарплата каждому из наемной бригады начисляется согласно тарифам и отработанному времени по табелю. Потом бригадир распределяет общую сумму между шабашниками в соответствии с предварительной договоренностью.

– Почему бы не выдавать им деньги в кассе? Каждому, персонально...

– После первой же подобной выдачи развалится вся бригада. Тут весь секрет заключается в чистоплотности бригадира. У нас есть стабильные наемные бригады, работающие добросовестно на протяжении многих лет, но попадают и хапуги типа Александяна.

Антон поинтересовался, когда и какую сумму получал последний раз в ПМК бригадир Александян. Приглашенная Русаковым кассир – худенькая, похожая на школьницу смуглянка – заявила, что на основании частично закрытого аккордного наряда в прошлую пятницу Александяну было выдано на бригаду пять тысяч рублей. По просьбе Антона она даже вспомнила, что большую часть этой суммы составляли сторублевые купюры, совершенно новенькие. В этот же день, по словам кассира, около трехсот пятидесяти рублей отпускных получил и Головчанский.

– Они вместе получали? – спросил Антон.

Кассир чуть задумалась:

– Нет. Александр Васильевич получил отпускные утром, как только я из банка приехала, а Хачик Александян – поздно вечером, перед самым концом рабочего дня.

Поблагодарив кассира за информацию, Бирюков заканчивал разговор с Русаковым наедине. После, так сказать, деловой части Антон поинтересовался у Глеба Гавриловича поведением Головчанского в быту и семейными отношениями. Русаков ничего определенного об этом не знал.

5. Хачик Алексанян нервничает

Он был из тех темпераментных южных мужчин, которые нередко добиваются успеха в жизни не столько умом, сколько неудержимой энергией и безрассудной смелостью. Густая шапка черных волос. Загоревшее горбоносое лицо. Плечи – косяя сажень, талия – словно у гимнаста. Глаза – диковатые, со жгучим взглядом из-под густых широких бровей. Голос – резкий, гортанный, но почти без акцента.

По паспорту он значился Хачиком Геворковичем Алексаняном – тридцати лет от роду, однако выглядел несколько старше своего возраста. Уже с первых минут разговора Антон Бирюков понял, что с таким собеседником надо держаться настороже. Ответив на предварительные вопросы, Алексанян уставился Бирюкову в глаза и нагло спросил:

– Кушать хочешь, начальник? Настоящий шашлык из молодого барашка, как на Кавказе, организую...

– Спасибо. Оставим кушанье до лучших времен.

– Теперь плохое время, да?..

Разговор состоялся возле строящегося дома, где работала наемная бригада. Антон огляделся. Увидел в стороне, под ветвистой старой березой, два пустых ящика, перевернутых кверху дном, и предложил Алексаняну сесть. Когда уселись, сказал:

– Время хорошее, но пришел я к вам не ради шашлыков. Давайте разберемся в ваших отношениях с Головчанским. Где и когда встречались с ним последний раз?

– Не помню, – быстро ответил Алексанян.

– Придется напомнить... – Бирюков сделал паузу. – В пятницу вечером были на даче Головчанского?

– Вся бригада там была.

– Из-за чего поссорились с Александром Васильевичем?

Алексанян улыбнулся:

– Ссориться с начальством – все равно, что тигра за хвост дергать: и удовольствия мало, и страшновато... Мы не ссорились.

– Но встречу эту помните?

– Помню.

– Почему сразу не вспомнили?

– Потому что забыл. – Алексанян опять уперся взглядом Антону в глаза. – Нет, ну давай шашлычок приготовим! Разве нельзя по-человечески поговорить?

Антон прищурился:

– Вы ведь, по существу, взятку мне предлагаете...

Алексанян расхохотался:

– Шутки не понимаешь, да?..

– Всякая шутка хороша ко времени и один раз. Сколько денег отдали Головчанскому в пятницу?

На лице Алексаняна промелькнула сначала растерянность, затем возмущение, но ответил он спокойно, будто речь шла о сущем пустяке:

– Три тысячи... – И, вроде полюбовавшись произведенным эффектом, с усмешкой добавил: – В долг попросил Головчанский, чтобы с девочками отдохнуть на юге.

– Не многовато ли для месячного отдыха?

– По русской пословице... хозяин – барин.

– Вам известно, что этого «барина» уже нет в живых?

– Жалко, конечно, человека.

– А деньги?..

– Чего деньги жалеть... – Александян указательным пальцем постучал себя по лбу. – Будет башка на плечах – будут деньги.

– А за какие «шутки на Кавказе башку отрывают»? – внезапно спросил Бирюков. Заметив в жгучих глазах Александяна мелькнувшее недоумение, быстро продолжил: – Дело, Хачик Геворкович, складывается печально: Головчанский умер, как принято говорить в народе, не своей смертью...

– Я убивал его, да?! – выкрикнул Александян.

– Вы оказались в числе подозреваемых. Если будете отделяться шутками и вилять в показаниях...

– Ну, пошутил я с Головчанским насчет башки. Понимаешь, да?.. Честно, пошутил... Зачем мне его башка? Я добросовестно зарабатываю свои деньги, вместе с бригадой кручусь белкой в колесе...

– И три тысячи швыряете ни за понюшку табака? Не верю, дорогой товарищ, что можно с такой легкостью разбрасывать заработанное трудом.

Александян промолчал. По его напряженному лицу было заметно, что он ищет убедительный ответ и не может найти.

– Поймите, Хачик Геворкович, стечением обстоятельств вы попали в очень сложную ситуацию, – сделав ударение на слове «очень», снова заговорил Бирюков. – Ведь, если уголовному розыску известно о вашем конфликте с Головчанским, значит, есть свидетели этого конфликта...

– Кто?

– Это не имеет значения.

Александян, заметно нервничая, прикурил дорогую сигарету, раз за разом сделал несколько затяжек. Потом исподлобья посмотрел на Бирюкова и сердито бросил:

– Три тысячи – доля Головчанского. Понимаешь, да?..

– Рассказывайте по порядку.

– Чего рассказывать?.. Договор заключил Головчанский со мной на тридцать тысяч, из них пять запросил себе, на лапу. В пятницу, видишь, какой-то начальник из областного «Сельстроя» приехал, урезал зарплату до двадцати пяти. Двадцать две тысячи надо выплатить рабочим. Остается всего три. Головчанский за них уцепился. Говорит: «Давай! Не отдашь – вообще рассчитаю по голым расценкам, без всяких премиальных. И ни один прокурор тебе не поможет, потому что прежний договор был завышен, незаконный». Я не баран, понимаю: по одним лишь расценкам, без премиальных, получится не больше восемнадцати тысяч. Еще четыре тысячи теряю... А у меня в бригаде Володя Сафарян и Асатур Хачатрян – каменщики шестого разряда, Миша Элоян – маляр-художник с высшим образованием, Рафик Вартамян – штукатур-плиточник по высшему разряду. Всем надо платить самую высокую тарифную ставку. Не смешная шутка получается: мне – бригадиру – на лимонад не остается. Понимаешь, да?..

– Проще говоря, вы с Головчанским по предварительному сговору украли из кассы ПМК деньги и разделили между собой похищенное...

– Почему украли?! Я законно у кассира по ведомости получил! Головчанский это подстроил! Для меня лучше потерять три тысячи, чем семь.

– Вот такие действия квалифицируются как хищение, а не взятка.

– Почему не взятка?! Головчанский вымогал у меня деньги! Понимаешь, вымогал!..

– Не надо, Хачик Геворкович, оправдываться. Я не собираюсь читать вам популярную лекцию о разнице между хищением и взяткой. Неужели опыт прошлого вас еще не научил? Вы ведь уже побывали в суде. Каким образом удалось тогда доказать свою невиновность?

Александян нервно затянулся сигаретой. Выпустив густое облако дыма, хмыкнул, помолчал:

– Тот начальник ПМК – большой дурак. Шашлык уважал, коньяку море мог выпить – только наливай! За столом болтал о деле, магнитофон слушал. Я беду чуял... Поэтому, когда надо, не ту клавишу магнитофона нажимал. Следователь магнитофонную запись послушал, судьи послушали – всем стало понятно, какие условия навязывал мне начальник перед заключением договора.

– Какие же там были условия?

– Он сразу мне заявил: «Хочешь получить выгодную работу – клади на бочку семь тысяч». Пришлось выложить из собственного кармана...

– Вот видите: там вы рассчитались из собственного кармана, а с Головчанским – из государственного...

– Какая разница?

– Большая. Разговор с Александром Васильевичем тоже на магнитофоне записан?

– Нет... Этот хитрый, собака, был. Один на один беседовал, без магнитофона.

В показаниях Александрия имелась доля несомненной истины: три тысячи сторублевыми купюрами перекочевали от Хачика к Головчанскому, конечно же, не без согласия последнего.

Выяснилась и причина, почему Головчанский не уехал в Новосибирск с вечерней электричкой. Оказывается, еще утром в пятницу он предупредил Александрия, чтобы тот принес деньги на вокзал. Александрия обещал это сделать, но, когда узнал от бухгалтера, что прежний договор с ним расторгнут, решил деньги не отдавать и на вокзал не пошел. Видимо, не дождавшись до отправления электропоезда обещанных денег, Головчанский поставил чемодан в камеру хранения и заявился на дачу, чтобы «выяснить отношения» с бригадиром.

– Здесь вы и передали ему три тысячи? – спросил Бирюков Александрия.

– Здесь и передал.

– Свидетелей, понятно, не было?

– Головчанский не баран, чтобы при свидетелях такие куски брать.

– Сделку не «обмыли»?

– Предлагал он бутылку «Плиски» открыть. Только зачем мне это надо было, чтобы в лицо ему плюнуть, да?.. Собрал бригаду – ушел с дачи. Больше Головчанского не видел.

– Кстати, сколько бригада заработала на строительстве его дачного дворца?

Александрия сплюнул:

– Дырку от калача заработали! Обещал полторы тысячи – теперь кушай с маслом то обещание.

Бирюкову оставалось сделать последнее – установить алиби Александрия, и он спросил:

– Где, Хачик Геворкович, провели ночь с пятницы на субботу?

– Где хотел, там провел... В гостинице, конечно, ночевал. Там мы живем, понимаешь, да?..

– Понимаю, – сказал Антон и попрощался.

Районная гостиница занимала двухэтажный небольшой особнячок. В пустующем вестибюле за полированным барьерчиком с табличкой «Дежурный администратор» седая старушка скучающе рассматривала иллюстрации в «Огоньке». Она обрадовалась неожиданному собеседнику и, когда Бирюков поинтересовался предыдущим ее дежурством, не задумываясь, ответила, что дежурила всю пятницу до девяти часов субботнего утра, поскольку, мол, сегодня понедельник, а дежурят администраторы в гостинице по суткам через двое суток отгульных.

– Строители у вас живут? – спросил Антон.

– Из армянев которые?.. – уточнила старушка. – Это давние наши постояльцы. Считай, третий год с мартовской оттепели до зимних заморозков здесь проживают.

– Ну и как они?

– Смирные, трудовые ребята. Занимают пятиместную комнату, расплачиваются всегда за месяц вперед. Не хулиганят, спиртные напитки не распивают, подружек не приводят. Они зарабатывать в Сибирь приезжают. Чуть свет забрезжит – уходят на стройку, возвращаются потемну. Дармовых денег, сынок, государство платить не станет, а зарабатывают армяне шибко даже хорошо. По четыреста-пятьсот рубликов ежемесячно семьям отправляют, да еще сотни по две на пропитание здесь остается.

– Александяна знаете? – опять спросил Антон.

– Фамилии-то у них на один манер, несподручно запоминаются, а по именам да в лицо каждого знаю. Примелькались уже за три года.

– Хачиком его зовут.

– Здоровый молодой мужчина? Знаю Хачика, за старшего у них.

– Не помните, с пятницы на субботу он ночевал в гостинице?

Старушка наморщила узенький лобик и неторопливо принялась перечислять:

– Асатур допоздна беседовал со мной про семейные дела, после спать отправился. Володя ходил в кино, возвратился в гостиницу близко к одиннадцати. Рафик с Мишей, считай, до часу ночи за шахматами сидели. Хачик в пятницу вечером пришел с работы вместе со всеми, сердитым здорово был... Вскорости принарядился и... Нет, Хачик в гостинице в ту ночь не ночевал. Субботним утром раненько заявился, в самый ливень.

«Что и требовалось доказать», – невесело подумал Бирюков, а вслух спросил:

– Где он загулял до утра?

– Такой же вот вопрос ему задала, а Хачик... – Старушка внезапно осеклась... – Ой, чего-то я путаю...

– Что именно?

– Склероз проклятый... Это в другой раз Хачик не ночевал в гостинице, а с пятницы на субботу здесь был, здесь!..

– Вы, пожалуйста, не обманывайте меня, – попросил Бирюков.

– Зачем мне тебя обманывать...

Старушка отвела глаза в сторону и приложила сухонькую ладонь к седому виску, словно хотела стыдливо прикрыться от взгляда Бирюкова. Пришлось Антону проявить дипломатические способности, и он все-таки узнал, что Хачик убедительно просил старушку никому не говорить об его отсутствии в ту ночь, а она вот – по старческой забывчивости – ляпнула правду и теперь опасается, как бы Хачик не сделал ей чего плохого.

– Трезвым пришел? – спросил Антон.

– Хачика, сынок, в жизнь не определишь, когда тверезый, когда выпивши. Крепкий мужчина, такой ума не проплет. – Старушка сокрушенно вздохнула. – Вот мой подвенечный супруг Григорий Ерофеич, земля ему пухом, противоположностью Хачику являлся. Глотнет, бывало, водочки на гривенник, а звону учинит на полный рубль. Ох, любил покуражиться в подпитом виде... Хачик – другая натура. Понятно, вспльчивости в нем хоть отбавляй, но водочкой с пути его не собьешь...

– Так он и не сказал, где был в ту ночь?

– Нет, не сказал. Я-то, признаться, шибко и не допытывалась. Мужчина молодой – дело ясное...

– О нашем разговоре ему не рассказывайте.

– Упаси господи! Сам гляди, сынок, не проговорись Хачику, что проболталась перед тобой.

Размышляя, Бирюков вышел на тихую улочку. У ларька с вывеской «Прием стеклопосуды» невысокий старичок в железнодорожной фуражке выставлял из рюкзака на узкий прилавок перед окном пустые бутылки. Антон пригляделся и узнал Максима Марковича Пятен-

кова. Подошел к нему и поздоровался. Пятенков показал на выстроенные рядком по прилавку бутылки:

– Пушнинку для сдачи принес...

Антон улыбнулся:

– Вроде как охотник, добычу сдаете?

– Разбрасывают люди стеклотару где попало, природу загрязняют – спасу нет. А зачем добру пропадать? Приходится и обществу пользу делать, и себе выгоду иметь. Для примера, прошелся сегодня по кооперативной местности почти на пять рублей стекла набрал. Не каждый охотник при нынешней живности в лесу такую прибыль поимеет.

– Что, Максим Маркович, в кооперативе нового?

– Нуль новостей. Люди продолжают точить лясы насчет Сан Силича, да угадать, от чего помер, не могут. Вот на нашей улице – это, значит, на Луговской, где я постоянно проживаю у сына, новость имеется. Иван Стрункин женку свою, Тоську, чуть насмерть не заколол столовой вилкой. Тоська теперь непонятно куда скрылась из дому, а Иван третий день подряд гудит напропалую, судьбу свою за бутылкой оплакивает.

– Seriously?..

– Ей-богу, не вру.

– С чего он так?

– По моим наблюдениям, у Ивана с Тоськой – нашла коса на камень. Тоська – шустрая коза-дереза, а Иван – пентюх пентюхом. Работает проводником рефрижераторов. Так понашенски, по-железнодорожному, холодильные вагоны зовутся. И, представляешь, в последнее время завел такую моду: только-только заявится домой из поездки, чекалдыкнет стакан сивухи и начинает Тоське мозги вправлять. Навроде удовольствие от такого грубого занятия получает. – Максим Маркович быстренько огляделся, словно хотел убедиться, не подслушивает ли кто. – К чему сей разговор веду, товарищ, так это к тому, что Иван Стрункин плакался вчера под пьяную руку мужикам с нашей улицы, будто Сан Силича Головчанского застал в своем собственном доме с блудницей Тоськой в ту самую ночь, когда, по моим подсчетам, Сан Силич помер...

Узнав от Пятенкова, что Тоська работает нормировщицей в ПМК «Сельстрой», Бирюков уточнил адрес Стрункиных и попросил Максима Марковича, если он еще что-то услышит о Головчанском, сразу сообщить в милицию. Пятенков гордо приосанился:

– Немедля сообщу! Я человек наблюдательный.

6. Загадочная телеграмма

Прежде чем подняться в свой кабинет на второй этаж, Антон зашел в дежурную часть – никаких сигналов о драке между супругами Стрункиными с улицы Луговской в милицию не поступало. После этого заглянул к старшему оперуполномоченному Голубеву и попросил его съездить на Луговскую, обстоятельно переговорить с Иваном Стрункиным.

– Если рассказанное Пятенковым подтвердится, любыми путями найди Тоську и в рамках допустимого выясни у нее подробности.

– Бу сделано, товарищ начальник! – молодежато отчеканил Голубев. – Знаешь, Игнатыч, когда я разыскивал чемодан Головчанского, дежурный по вокзалу говорил мне, что в пятницу, уже после ухода вечерней электрички, вроде бы видел Александра Васильевича на перроне с какой-то молодой женщиной. Может, как раз это и была Тоська?

– Может быть.

– Имею светлую мысль! Сказать?.. Испугавшись, что Стрункин поднимет шум вплоть до райкома, Александр Васильевич собственноручно решил испить чашу с ядом...

– Давай не будем гадать.

– Ну а если я правым окажусь?..

– Благодарность в письменном виде объявлю, – улыбнулся Бирюков.

– Ловлю на слове! Сам-то что думаешь?

– Думаю, не откладывая повидаться с женой Головчанского.

Голубев поморщился:

– Мрачная женщина, скажу тебе.

– Знаешь ее?

– Вчера чемодан опознавала. Как египетская мумия. А еще как-то видел Софью Георгиевну в универмаге. Покупала перстень с бриллиантками за полторы тысячи, но такая постная физиономия была, вроде как у моей дражайшей супруги, когда я восьмидесятирублевые сережки ей на день рождения подкинул.

Придя наконец в свой кабинет, Бирюков взял телефонный справочник. Нашел номер контрольно-семенной станции, где работала жена Головчанского, и позвонил. Ответила заведующая. Она сказала, что в связи с острым сердечным приступом после известия о смерти мужа Софья Георгиевна на работу не вышла и, вероятно, находится дома. Без того неважное настроение Бирюкова стало еще хуже – предстоящий разговор с больной женщиной ничего доброго не сулил.

Головчанские жили в двухэтажном коттедже недалеко от железнодорожного вокзала. Наряду со строительством многоквартирных домов такие коттеджи в последнее время с чьей-то легкой руки стали расти в райцентре, как грибы после теплого дождя, и селились в них большей частью руководители предприятий, финансировавших строительство.

Дверь открыл худенький загоревший мальчик в новой школьной форме. Поздоровавшись, он пристально оглядел милицейскую одежду Бирюкова, обернулся в коридор и по-взрослому громко сказал:

– Мама! К нам пришел товарищ из милиции. – После этого предложил Антону: – Проходите наверх. Мама там.

Из коридора на второй этаж вела устеленная ковровой дорожкой лестница с красивыми, отделанными под дуб перилами. На лестнице стояла Софья Георгиевна Головчанская. Ее нарядный желтый халат без пояса походил на парчовую ризу, украшенную замысловатой вышивкой, а продолговатое аскетическое лицо со скорбным взглядом было точь-в-точь как у монахини.

В просторной, обставленной импортной мебелью комнате Головчанская предложила Бирюкову сесть в кресло у низкого столика, заложеного журналами мод. Затем села сама с противоположной стороны. Дрогнувшим голосом проговорила:

– Можете рассказывать всю правду, какой бы горькой она ни оказалась. Я не настолько больная, чтобы избегать откровенного разговора.

Антон снял фуражку и положил ее к себе на колени.

– Признаться, рассчитываю на вашу откровенность, чтобы выяснить обстоятельства смерти Александра Васильевича.

Смуглое сухощавое лицо Головчанской болезненно покривилось:

– Утаивать мне совершенно нечего. Не могу понять, что за загадка случилась. В субботу Олег Туманов рассказал по телефону о смерти Саши, а в воскресенье утром принесли телеграмму... – Софья Георгиевна выдвинула из-под журнального столика небольшой ящик и подала Бирюкову телеграфный бланк. – Это же телеграмма... с того света. Мистика какая-то, честное слово...

Антон прежде всего обратил внимание на телеграфные данные. Телеграмма номер 245 была отправлена из Николаевки Крымской области в субботу, в 18 часов 10 минут по московскому времени. В ней сообщалось: «Долетел благополучно целую Саша».

– Николаевка – это поселок на берегу моря. Кажется, в сорока километрах от Симферополя, как говорил Саша. Там есть пансионат «Солнечный», куда у Саши была путевка, – пояснила Головчанская. – И вот... по совершенно непонятной для меня причине Саша вместо Крыма оказался на даче Туманова...

– Попробуем это выяснить, – предложил Антон. – Что вам известно о Тумановых?

Головчанская опустила глаза, задумалась:

– Олег – прекрасный человек. Саша постоянно восторгался им. Говорил, что такого золотого шофера трудно найти. Да и мне самой часто приходилось ездить с Олегом. Иногда даже неловко было обременять его, но Олег ни разу не высказал ни малейшего намека на неудовольствие. Бывало, извинюсь, а он только рукой махнет: «Пустьяки!» Жену его, Надю, знаю меньше. Но и она, по-моему, очень милая женщина...

– Мог Александр Васильевич заночевать на даче Тумановых без их разрешения, если дверь домика, скажем, по каким-то причинам оказалась не заперта?

Софья Георгиевна едва заметно пожала худенькими плечами:

– Разумеется... Но зачем это? Проще прийти домой, чем тащиться с вокзала в кооператив.

– Допустим, что Александру Васильевичу идти домой не хотелось...

– Почему?

– Ну, скажем, он поругался с вами перед отъездом.

Головчанская кинула на Антона короткий взгляд:

– Мы с Сашей никогда не ругались. И вообще не могу понять... почему Саша в пятницу вечером не уехал в Новосибирск, остался ночевать здесь.

– Сколько он взял с собою денег на дорогу?

– Не знаю. Саша никогда не отчитывался.

– В таком случае, сколько оставил вам?

– Точно не помню... Что-то около трехсот пятидесяти рублей.

– То есть все свои отпускные. На какие же средства он рассчитывал проводить отпуск?

– Н-не знаю.

– Может, со сберкнижки взял?

– Смешно сказать, но мы с Сашей не пользовались услугами сберкассы. – Софья Георгиевна как-то неестественно улыбнулась и опустила глаза. – Стыдно сознаться, большинство вещей нами куплено в кредит и на деньги, занятые у родственников.

Ответ показался Антону неискренним, однако он не подал виду. Какое-то время Софья Георгиевна сидела молча, нахохлившись, словно замерзающая птица. Потом слово за словом разговорилась.

Биографии Софьи Георгиевны и Александра Васильевича оказались схожими. Выросли в крестьянских семьях. Закончили сельские школы, затем институты. Она училась в сельскохозяйственном со специализацией ученого-агронома, он – в строительном. Правда, Александр Васильевич между школой и институтом отслужил в армии. Познакомились уже после ученья здесь, в райцентре. Быстро поженились. Через год родился сын – Руслан, который нынче начинает первый в своей жизни учебный год.

Упомянув о сыне, Софья Георгиевна достала из пришитого к халату кармана стеклянную пробирочку с нитроглицерином. На ее глазах навернулись слезы, и она дрогнувшей рукой судорожно бросила в рот маленькую белую таблетку.

Антон Бирюков не мог переносить женских слез и сейчас в душе желал одного, чтобы Головчанская не разрыдалась. Мало-помалу Софья Георгиевна пришла в себя. Она даже скривила посиневшие губы в вымученной улыбке, тихо вздохнула:

– Вот, собственно, и вся жизнь кончилась...

Бирюков мимолетно скользнул взглядом по ярким обложкам лежащих на столике журналов. Собираясь с мыслями, сделал затяжную паузу.

– Врачи установили, от чего умер Саша? – вдруг спросила Софья Георгиевна.

Антон раздумывал одно мгновение:

– От гранозана.

– Что?.. Не может быть...

Головчанская, словно удерживая рвущийся наружу крик, зажала ладонью рот. Бирюков посмотрел в ее расширившиеся, как от ужаса, глаза и заговорил:

– Понимаю, вам очень нелегко, но для раскрытия преступления, если оно в действительности имело место, дорог буквально каждый час. Поэтому я и пришел к вам, чтобы...

– Сашу отравили!!! – не дав договорить, истерично выкрикнула Софья Георгиевна.

Снизу по лестнице застучали частые детские шаги. Прибежав в комнату, мальчик испуганно прижался к матери и скороговоркой стал ее успокаивать:

– Мамочка, ну ты чего? Мам, ты ведь утром говорила по телефону, что с таким богатством мы не пропадем. Мамочка, ну ты чего?..

Головчанская ошеломленно уставилась на сына:

– Руслан!.. Во-первых, нехорошо подслушивать разговоры, во-вторых, не вмешивайся, когда говорят старшие! В-третьих, немедленно беги вниз и займись делом!

Насупившись, мальчик послушно вышел из комнаты. Головчанская закрыла лицо ладонями:

– Нелепость! Какая непростительная нелепость...

Бирюков сделал вид, что не придавал словам мальчика серьезного значения:

– Не надо, Софья Георгиевна, кричать на ребенка. Дети есть дети...

Головчанская с трудом перевела дыхание:

– Руслан сказал правду... Я на самом деле в его присутствии грубо ответила по телефону одной женщине, которая фальшиво стала сочувствовать по поводу смерти Саши. Но это не означает, что я беспечно думаю о своем будущем... Клянусь, для меня богатство – не смысл жизни.

– Кто та женщина?

– Товаровед из райпо Анна Огнянникова... Притворщица бессовестная. Раньше распускала слухи, будто мы с Сашей живем не по средствам. Теперь же, как лисичка, сочувствие стала высказывать... – Головчанская широким рукавом халата вытерла глаза. – Возможно, вы захотите уточнить у нее содержание того неприятного разговора, поэтому прошу учесть... Огнян-

никова работала в «Сельстрое» секретарем-машинисткой. Когда Саша стал там начальником, он уволил ее. С той поры Анна и начала лить на нас всякую грязь.

– Чем секретарь-машинистка не угодила Александру Васильевичу?

– Не знаю. Никогда не совала нос в дела мужа.

– А как вообще Александр Васильевич относился к другим женщинам? Не увлекался ими?

Головчанская отвернулась от Бирюкова:

– Вопрос очень неприятный для меня, но... попробую ответить искренне... Начальник ПМК – это сумасшедшая должность. Саша столько душевных сил и энергии отдавал работе, что трудно представить, чтобы у него оставалось время еще и на увлечение женщинами... – Софья Георгиевна опять достала пробирочку с таблетками нитроглицерина, покрутила ее в тонких наманикюренных пальцах и сунула обратно в карман. – Признаюсь, в последние годы мое здоровье стало отвратительным. Саше нелегко было со мною. Ведь есть же пословица: брат любит сестру богатую, а муж жену – здоровую. Как-то вполне серьезно предлагала даже завести ему любовницу. Нельзя, мол, так безжалостно сторать на работе, надо хоть маленькую отдушину иметь. Саша тогда меня отчитал. Проще говоря, если у мужа и были какие-то увлечения, то мне о них неизвестно...

– Вы сказали, что Александра Васильевича отравили. Кто, по-вашему, мог это сделать?

Головчанская растерянно пожала плечами:

– Не сам же он отравился...

– Враги или завистники у него были? – снова спросил Бирюков.

– Саша умел с людьми ладить... Порою я даже ему выговаривала: «Ради чего ты стараешься всем угодить? Не красное солнышко – всех ведь не обогреешь». Он отшучивался: «Знаешь, как говорят одесситы? Живешь сам, давай жить другим...» Нет, врагов, мне кажется, у Саши не было. А завистники... Конечно, завистников полно... Все, как Огнянникова, почему-то считают, что мы живем не по средствам... Неверно это. Я уже вам говорила, что у нас нет ни копейки сбережений, а долгов – куча. Саша не любил копить деньги.

– Сколько он зарабатывал?

Софья Георгиевна вроде бы растерялась:

– Не знаю...

– Разве вас это не интересовало?

– Как сказать... Саша сам вел дела...

– Перед отпуском Александра Васильевича вы ничего странного в его поведении не замечали?

– Что я могла заметить?... Перед отпуском он сутками пропадал на стройках. Вдобавок, массу времени отнимало строительство собственной дачи...

– У вас прекрасный коттедж с приусадебным участком. Для чего еще дача понадобилась?

– Саша планировал перебраться в Новосибирск, хотел в областном управлении работать.

– Из Новосибирска сюда далеко вато на дачу ездить.

– Здесь можно было продать, а ближе к Новосибирску купить.

– С таким расчетом и строили?

– Да... – Софья Георгиевна несколько раз глубоко вздохнула. – Простите, мне очень тяжело...

– Может, врача вызвать?

– Врач сегодня был... Обычный стресс, это со временем пройдет...

Бирюков надел фуражку. Провожал его из дому хмурый Руслан. Когда вышли на крыльцо, мальчик недружелюбно попросил:

– Не ходите больше к нам. Не обижайте маму.

– Я хочу вам помочь, – как равному, ответил Антон. – С чего ты взял, что я обидел маму?

– Она при вас плакала. – Мальчик исподлобья уставился на Антона строгими темными глазами. – Не надо нам такой помощи.

Бирюкову вдруг захотелось приласкать этого не по возрасту серьезного, ни в чем не повинного человечка. Однако он всего лишь легонько сжал ладонями худенькие плечи мальчика:

– Не сердись на меня, Руслан. Будь настоящим мужчиной.

7. «Заявление» Ивана Стрункина

Луговская находилась на окраине райцентра, за железнодорожной линией. Короткая улочка, застроенная похожими друг на друга частными домами, зеленела травой. Усадьбу Стрункиных Голубев отыскал без чьей-либо подсказки. Новый бревенчатый пятистенок с резными, в петушках наличниками и шиферной крышей, с уличной стороны был огорожен высоким штaketником. В палисаднике, под окнами дома, доцветали махровые маки.

Голубев прошел от калитки по дощатому тротуарчику к веранде, одним махом перешагнул три низких ступеньки и стукнул в дверь. Не дождавшись ответа, постучал сильнее.

– Ну, чего надо?.. – послышался из-за двери недовольный голос. – Хочешь зайти – заходи!

Слава открыл дверь. В небольшой кухне за верандой здоровенный лет под сорок мужчина, расставив чуть не во весь стол могучие локти, прямо из кастрюли сосредоточенно хлебал щи. Рядом с кастрюлей стояли наполовину опорожненная бутылка водки и пустой граненый стакан. Тут же лежала разломленная пополам буханка хлеба.

– Я из уголовного розыска, – поздоровавшись, сказал Голубев.

Мужчина равнодушно продолжал работать ложкой. Слава повысил голос:

– Мне надо видеть Ивана Стрункина.

Только после этого мужчина нехотя положил ложку на стол. Мутноватые глаза его недобро блеснули:

– Ну, я Иван Стрункин. Забирать явился?..

– Нет, пришел поговорить.

– Бери стул, садись. Водку пить будешь?

– Спасибо, не пью.

– Во чудак ненормальный... Ну и не пей – мне больше достанется.

– По-моему, вам и так уже достаточно.

– Чего?.. Хочешь, по спору еще поллитряк уговорю и тары-бары с тобой буду вести хоть бы хны?.. – Стрункин, набычась, уставился нетрезвыми глазами на Голубева. – Родная жена в душу наплевала. Знаешь, как больно?..

Голубев сел на стул у буфета:

– Представляю. Затем и пришел, чтобы узнать, что у вас с женой произошло.

– Рога, паскудница, мне настроила, а я так ее боднул, что третий день неизвестно, где живет и чем питается.

– Избили?

– Не успел. Драпанула, как тренированная физкультурница. – Стрункин, туго соображая, наморщил лоб. – Небось, хочешь объяснение с меня взять за рукоприкладство? Такогого не было. Из амбиции я натрепался мужикам, будто вилкой пырнул Тоську. Открыто сказать, намерение такое имел, но это еще не основание для привлечения к ответственности... Меня, друг милый, голой рукой не возьмешь! Я законы знаю...

– Хотелось бы уточнить подробности вашей ссоры, – миролюбиво сказал Слава.

– Подробностей я не видал, – Стрункин скрежетнул зубами, зажмурился и стукнул себя кулаком по лбу. – Всю жизнь стараюсь ради семьи, а Тоська с жиру забесилась, с начальником своим любовные шашни завела...

– С Головчанским?

– Ну а с кем больше?! Между прочим, мной уже составлено заявление прокурору. Хочешь, дам почитать?

– Давайте.

Стрункин протянул руку к буфету, выдвинул ящик и достал оттуда ученическую тетрадку. Подавая ее Голубеву, строго предупредил:

– Не вздумай порвать. Второй раз я так складно не напишу.

Слава перевернул тетрадную обложку и стал читать написанное, похоже, нетрезвой рукой:

«Уважаемый товарищ прокурор! Обращается к вам железнодорожный передовик труда Иван Тимофеевич Стрункин. Под такой фамилией и инициалами я числюсь в паспорте. Кто я на самом деле, сказать невозможно, потому что рождение мое состоялось в суровом 1941 году на временно оккупированной территории, вблизи г. Бреста, и родители мои погибли. Подобрали меня неизвестные люди и перекинули через линию фронта в детский дом-интернат. Здесь, в интернате, присвоили мне фамилию “Стрункин” ввиду того, что пальтишко мое было подпоясано струной от гитары. Инициалы же свои я получил от Ивана Тимофеевича – директора интерната. Год рождения определили врачи. Возможно, 1941-й они взяли с потолка, но дело не в этом, а в следующем. Моя жена Таисия Викторовна Стрункина, имея возраст на 7 лет моложе меня и работая нормировщицей в районной ПМК “Сельстрой”, вступила, так сказать, в незаконную – сами понимаете, в какую, – связь с начальником этой организации гр-ном Головчанским, инициалы которого не хочу писать, так как он их не заслуживает.

Дело было так. Ночью, в прошлую пятницу, точнее, рано утром в субботу, вернувшись домой из очередной служебной поездки, я застал Таисию с хахалем Головчанским, и они долго не открывали мне дверь моего собственного дома. Когда дверь открылась, я увидел следующее: в доме накурено – хоть топор вешай; окно в спальне распахнуто настежь, хотя на улице полоскался проливной дождик; в кухне под столом – пустая бутылка типа “Плиска”. Посмотрев такую картину, не надо быть папой римским, чтобы понять, что к чему.

На мое категорическое требование – объяснить возникшее недоразумение – Таисия начала выступать, как дошкольница. Само понятно, такое детское объяснение вполне взрослых поступков вызвало у меня негодование, заметив которое Таисия, во избежание неизбежного конфликта с последующим нанесением телесных повреждений, как была в летнем платье и домашних галошах на босу ногу, пулей вылетела в раскрытое окно и скрылась в неизвестном направлении. Интересно представить: а если бы такая комедия произошла в многоэтажке да еще, примерно, на девятом этаже?.. Дорого обошелся бы Таисии этот полет! Только одни галоши, по всей видимости, сохранили бы свою первоначальную форму.

Теперь, возможно, вас заинтересует, ради чего я вам пишу? Факт, дескать, состоялся. Ответ – в следующем:

1) прошу обязать милицию срочно найти скрывающуюся от заслуженного возмездия Таисию и, чтобы отбить у нее охотку к любовному озорству, посадить хотя бы на пару суток;

2) в целях профилактики пригласите к себе гр-на Головчанского и познакомьте его с Уголовным кодексом РСФСР. Пусть задумается над той злободневной проблемой, что Таисия не только моя жена, но и его подчиненная. А за принуждение к озорству подчиненной по службе женщины прокурор при желании вполне может припаять любому начальнику статью кодекса, где черным по белому определено лишение свободы на срок до трех лет. Интересно, как Головчанскому понравится такое кино?..

Ответ надеюсь получить от вас в сроки, которые указаны в статье “Работа с письмами трудящихся”, напечатанной в журнале “Человек и закон”, который я выписываю и прочитываю от корки до корки. Таким образом, кое в каких юридических вопросах кумекаю основательно. А если где-то пишу слова не так, как надо, то это вызвано тем, что свою производственную программу на трудовой вахте мне приходится выполнять руками, а не головой. К сему Иван Тимофеевич Стрункин».

Едва Слава Голубев дочитал последнюю страницу «заявления», пристально наблюдавший за ним Стрункин спросил:

– Ну как?.. Хлестко написано?

– Да, – согласился Слава. – Одно непонятно: видели вы Головчанского в своем доме или нет?

Стрункин, протянув руку к тетрадке, обиделся:

– Дай сюда. Ни гвоздя ты не понял! Тут же ясно указано: окно в спальне было раскрытое. Задумайся, что из этого факта вытекает?.. Головчанский, опасаясь телесных повреждений, вместо двери выскочил через окно. Это ж козе понятно!

– С таким же успехом через окно могли выскочить Иванов, Сидоров, Петров...

– Примеры из грамматики насчет русских фамилий без тебя знаю, – мрачно отрубил Стрункин. – К моему заявлению, если хочешь знать, серьезная преамбула имеется...

Стараясь не задеть самолюбия Ивана Тимофеевича, Голубев принялся выяснять содержание «преамбулы». Стрункин потянулся было к бутылке, однако Слава остановил его – мол, серьезные дела надо решать по-серьезному, без выпивки. Иван Тимофеевич недолго похмурился, заткнул недопитую бутылку корочкой хлеба и, поглядывая на Голубева исподлобья, стал рассказывать.

До нынешнего лета Стрункины жили прекрасно. Растили сына, который после восьмилетки поступил в авиационный техникум, будет самолеты строить. Таисия была мировой хозяйкой, да вот те раз – споткнулась. В августе пришла с празднования Дня строителя навеселе и новенькие сапожки зимние принесла – якобы подарок от ПМК как передовой нормировщице. Стрункин сам в День железнодорожника, за неделю до Дня строителя, получил от своего предприятия именные наручные часы за семьдесят шесть рублей, поэтому в «показаниях» жены ничуть не усомнился. Все бы так и заглохло, если б на днях случайно не разговорился Иван Тимофеевич в бане с одним каменщиком из ПМК, который рассказал, что нынче праздник строителей «скомкали». Денежные премии, правда, выдали на торжественной части собрания, а что касается подарков, то ни одной душе Головчанский ничего не дал. Стрункин, придя домой из бани, сделал вид, будто ни о чем не знает, и «так это, между прочим», заговорил с женой насчет сапожек. Жена «наострила ушки на макушке», но свои «первоначальные показания» повторила. Самую малость под конец добавила: дескать, Головчанский вручал ей подарок не на торжественной части, а после, так сказать, с глазу на глаз, в своем кабинете.

Лицо Стрункина побагровело:

– Тут я такой разнос Тоське устроил, что она из дому скрылась. У соседей заночевала.

– Разве так можно решать семейные конфликты? – спросил Голубев.

– А почему нельзя?.. – удивился Стрункин. – Мне рога приделывают, а я должен в ладошки хлопать? Одобряю, дескать, гражданочка, ваше недостойное поведение... Это ж самому тупому козлу понятно, за какие успехи начальники дарят своим подчиненным женщинам подарки втайне от других рабочих.

– И все-таки надо было разобраться мирным путем. Встретились бы с Головчанским, поговорили...

– Я так и хотел! Тоська на дыбы поднялась. Дескать, если сунешься к Головчанскому, как баба, разбираться, уйду совсем от тебя. Тут пожар и запластал... – Стрункин протянул руку к бутылке, но, перехватив осуждающий взгляд Голубева, взял со стола кусочек хлеба, понюхал его и положил на место. – Если нараспашку признаться, все бы так и заглохло. Утром мы с Тоськой мирно покалякали, когда она от соседей вернулась. Я строго-настрого заявил: «Увижу с Головчанским – голову сверну!» Ну ей бы понять, что мужик не шутки шутит. Так нет же!.. Полмесяца не прошло – домой хахаля заманила. Это ж облагнеть надо!

Чем дальше разговаривал Голубев со Стрункиным, тем больше укреплялся в мысли, что «связь» Таисии с Головчанским – всего лишь предположение Ивана Тимофеевича, который упорно не хотел соглашаться ни с какими доводами, будто его жена могла раздобыть себе сапоги честным путем.

- Жалею, вещественные доказательства стгоряча уничтожил! – упрямо сказал Стрункин.
- Какие? – спросил Слава.

Иван Тимофеевич указательным пальцем правой руки загнул на левой руке мизинец:

– Бутылку с этикеткой типа «Плиска», где ресторанный чернильный штамп имелся. Это раз. И чуть не полное блюдо желтых сигаретных чинариков. Это два... – Стрункин загнул второй палец. – Ты можешь возразить, дескать, подобные доказательства могли находиться в доме раньше. Поясню... Лично я, кроме водки, других напитков не употребляю, а разнообразные бутылки от сырости не заводятся. Второе... Лично я с детства табаком не балуюсь. Тоська с сыном тоже этим не грешат. Откуда сигаретные чинарики взялись?..

– Вам разве не известно, что Головчанский в ночь с пятницы на субботу умер?

– Что-то такое Максим Пятенков заливал. Так он же, бутылочный сборщик, на каждом шагу врет, как сивый мерин.

– Это правда, Иван Тимофеевич.

– Да ну?! – Стрункин непонимающе уставился на Голубева. Потом, словно до его сознания дошло наконец что-то страшное, с треском рванул исписанную тетрадку пополам и хрипло проговорил: – Со всей серьезностью заявляю, рукоприкладство к гражданину Головчанскому не применял.

Голубев показал на заткнутую хлебной корочкой бутылку:

– Кончать надо с этим делом.

– Допью остаток проклятой и закаюсь. – Веки Стрункина начали слезливо краснеть. Он как-то вдруг сник и жалобно попросил: – Будь другом, найди Тоську... Пусть возвращается домой. Слово даю, пальцем не трону. Люблю дуру, хоть и виновата она передо мной...

От Стрункина Слава Голубев на попутной машине завернул в ПМК «Сельстрой». Нормировщицы находились в подчинении начальника отдела труда и заработной платы. Поэтому Слава прямоком зашел в кабинет Окунева. Тот принял внезапно появившегося сотрудника уголовного розыска настороженно – видимо, все еще переживал утренний крутой разговор со своим областным шефом. Славе показалось, что Иван Иванович трясется над каждым словом, опасаясь сказать малейшую неточность. О Стрункиной Окунев отозвался хорошо и как бы в подтверждение показал приказ по «Сельстрою», подписанный размашистым автографом Головчанского:

– Видите, в День строителя Тосе вручили восемьдесят рублей премиальных.

– Подарками на празднике не награждали передовиков? – спросил Слава.

– Нет, решили ограничиться премиями.

– А Тося сказала мужу, что Головчанский лично вручил ей зимние сапоги.

Окунев несколько замялся:

– Беда с этой Тосей... Жаловалась мне, мол, похвасталась ради форса, а муж спустя несколько дней сцену ревности закатил. Я достаточно хорошо знаю Ивана Тимофеевича, работал он у нас в ПМК. Наивный, как ребенок, только в ревности границ не ведает. Конечно, и Тосю в этом плане оправдывать не стану – любит пококотничать. В то же время... приписывать ей Головчанского, как додумался Иван Тимофеевич, смешно.

– Стрункина не рассказывала, где взяла те злосчастные сапоги? – опять спросил Слава.

– У кого-то с рук купила на премиальные деньги. Вот только у кого не знаю.

– Она сейчас на работе?

– С сегодняшнего дня в очередном отпуске.

Голубев присвистнул:

– Где ж тепер ее искать?

Окунев развел руками и с повышенным интересом стал рассматривать шариковую авторучку. Славе пришлось напомнить начальнику отдела труда и заработной платы, что разыскивает он Стрункину вовсе не по личным делам. Лишь после этого Иван Иванович расска-

зал, что еще на прошлой неделе профсоюзная организация «Сельстрой» выделила Стрункиной бесплатную путевку на двенадцать дней в местный санаторий-профилакторий, где, возможно, Тося теперь и находится. Высказав такое предположение, Окунев робко обратился к Голубеву:

– Если можно, не говорите об этом Ивану Тимофеевичу, пока он не успокоится... Тося просила. Уверю, они скоро помирятся. Подобные ссоры у них и раньше случались...

Окруженный с трех сторон густым сосновым лесом районный санаторий-профилакторий располагался на высоком берегу реки, почти напротив кооператива «Иня», где так загадочно оборвалась жизнь Головчанского. Белокурую Тосю Стрункину Голубев отыскал в просторном холле, уставленном дорогой мебелью и декоративными цветами. В домашнем ситцевом платье Тося с книгой в руках сидела в мягком кресле и, беззвучно шевеля губами, сосредоточенно читала. По сравнению с мужем она выглядела настолько молодо, что не хотелось верить, что ее сын уже учится в техникуме. Моложавость Тосе придавали и худенькая фигурка, и миловидное, без единой морщинки лицо и короткая стрижка.

Узнав, что имеет дело с сотрудником уголовного розыска, Стрункина энергично принялась отрицать все и вся. Из ее торопливого рассказа выходило, что глупую историю с сапогами ревнивый до невозможности Иван Тимофеевич сочинил по собственной фантазии, чтобы хоть чем-то досадить ей, а уж насчет связи с Александром Васильевичем Головчанским – это вообще бред сумасшедшего.

Не отступилась она от сказанного даже после того, когда Голубев спросил о бутылке из-под «Плиски» и окурках. Не моргнув глазом, Тося ответила, что «вещественные доказательства», как их называл Стрункин, оставил в доме какой-то железнодорожник, который заходил в пятницу еще засветло. Говорил, вроде работает вместе с Иваном Тимофеевичем, а скорее всего, просто негде мужику было выпить, вот и зашел в первый попавшийся дом. Ни имени, ни характерных примет «железнодорожника» не запомнила.

Наблюдая за тревожными Тосиными глазами и нервно перебирающими книжные страницы пальцами, Слава пришел к выводу, что Тося сочиняет небылицу. Из разговора с нею Голубеву удалось узнать, пожалуй, только один ценный факт. В пятницу вечером, уже после отправления новосибирской электрички, Тося «случайно» встретила Головчанского на перроне вокзала. Александр Васильевич был сильно расстроен и сказал, что забыл дома деньги. Поэтому пришлось отложить поездку до завтрашнего утра. Намеревался ли Головчанский зайти в кооператив «Иня», Стрункина не знала или не захотела Славе сказать.

8. Разные версии

Похороны Головчанского состоялись во вторник. Бирюков на них не пошел. Еще вчера, после разговора с Софьей Георгиевной, Антон сделал запрос в Управление внутренних дел Крымской области о загадочной телеграмме из Николаевки. Настроение было тягостное. Версия никак не выстраивалась до той стадии, когда появляется хотя бы смутная, но все-таки перспектива приблизиться к разгадке криминальной тайны.

От размышлений оторвал следователь Лимакин:

– Вот что, Игнатьевич... Я официально попытался выяснить денежные запасы Головчанского. Представляешь, ни в одной из сберкасс райцентра Александр Васильевич денег не хранил. Тебе не кажется это странным?

– У тебя у самого-то есть сберкнижка? – вместо ответа спросил Бирюков.

– Не сравнивай меня и Головчанского, который за последние три года новейшую «Волгу» приобрел, коттедж обставил импортными гарнитурами и персидскими коврами увесил, жене золотых и бриллиантовых украшений накупил, да еще дачу вон какую завернул!.. Не мог же он несколько десятков тысяч прятать дома в чулке, правда?..

– Что правда, то правда – для такой суммы безразмерный чулок нужен, – согласился Антон. – Видимо, Александр Васильевич действительно, как рассказывала мне Софья Георгиевна, сразу пускал деньги в оборот. А поскольку все перечисленное тобою приобретено в последнее время, то напрашивается вывод: доходы Головчанского заметно возросли, как только он из кресла главного инженера пересел в кресло начальника «Сельстроя».

– Я ведь знал его... Всегда вежливый, спокойный, представительный...

– Вот эти вежливость да представительность зачастую и позволяют казнокрадам охмурять доверчивых людей. Много, Петя, у народа денег стало, поэтому не сразу поймешь: честным трудом человек свое благосостояние строит или махинациями обогащается.

– Интересно, кто помешал Александру забрать из пиджака Головчанского три тысячи?

– Трудно угадать... Мне только кажется, не Александр отравил Александра Васильевича. И вот почему... Хачик Геворкович не тот человек, который может подсыпать яд. Он резок, вспыльчив, нахален. Такие уж если разделяются с обидчиком, то не исподтишка.

– Почему же Хачик скрывает свое отсутствие в гостинице в ту ночь?

– Надо выяснить почему... Кстати, я не исключаю, что Головчанский погиб не из-за денег...

– Будем искать женщину?

– Придется, наверное, поработать и по этой версии. Голубев рассказал тебе о Тосе Стрункиной?

– Рассказывал. Крутит, конечно, чего-то Тося... Ну а какое впечатление произвела на тебя жена Головчанского?

– Похоже, избалованная... Смерть мужа для нее – трагедия, но завистницам не хочет этого показать, хорохорится.

– Любопытно, давно закончила институт и всего-навсего старшей лаборанткой работает. На ее месте, по-моему, десятиклассница справится.

– Она из той категории жен, что живут авторитетом руководящих мужей, а не своим собственным.

В кабинет вошел нахмуренный Слава Голубев.

– Что невесел? – спросил Антон.

– Был на похоронах Головчанского. – Слава присел у торца стола. – Пышная церемония... Одних венков штук семьдесят. Руководство района присутствовало. Начальник отдела кадров «Облсельстроя» на черной «Волге» из Новосибирска приехал, с речью на кладбище

выступил. Упомянул, что уже готовился приказ о назначении Александра Васильевича начальником одного из ведущих отделов областного управления, но вот, мол, безжалостная смерть вырвала из наших рядов...

– Seriously? – спросил Бирюков.

– Да.

– Вот это предстоящее назначение, по всей вероятности, и разожгло у Головчанского жажду срочного обогащения. Давайте прикинем... Здесь Александр Васильевич был распорядителем кредитов. Сколько хотел, столько и накручивал по договорам наемным бригадам. Да еще с колхозов-совхозов «премиальные» выжимал. В областном управлении таких возможностей нет. Там твердый оклад. Ну, может быть, какие-то премиальные, если все управление успешно сработает. Так что Головчанский хотел переехать в Новосибирск с гарнитурами, коврами, машиной и дачей.

– Логично, – подтвердил следователь Лимакин.

– Олега Туманова на похоронах видел, – продолжил Слава. – Чего-то неладно с ним...

Поговорил бы ты, Игнатич, с Олегом по душам...

Бирюков сделал пометку в календаре, посмотрел на Голубева:

– Тося Стрункина меня заинтересовала. Был кто-то у нее в ту ночь. И не исключено, что Головчанский...

– Я такого же мнения! – воскликнул Слава.

Антон быстро заполнил повестку и протянул Голубеву:

– Пригласи, пожалуйста, завтра Стрункину ко мне. Туманова сам вызову.

Зазвонил телефон. Секретарь-машинистка из приемной подполковника Гладышева сказала, что в отдел только что поступила телеграмма из Николаевки Крымской области. Антон поднялся, чтобы сходить за ней, но Голубев, узнав, в чем дело, быстро проговорил:

– Сиди, я мигом сбегаю.

Буквально через минуту он вернулся, передал Бирюкову телеграфный бланк и удрученно сказал:

– Ну, братцы, дает прикурить Головчанский. В общем, тайна, покрытая мраком...

Из Николаевки сообщали: «Телеграмма № 245 подписана Головчанским А.В. указанием адреса отправителя – пансионат “Солнечный”. Проверкой выявлено: отдыхающий такой фамилией пансионате не появлялся. Интерес представляет, что в нашем почтовом отделении второй год употребляются телеграфные бланки белого цвета. Цвет бланка № 245 синий. Это дает основание предполагать: телеграмма отправлена не местным жителем. Оригинал № 245 изъят, отправлен вам авиа. Принимаем меры установлению отправителя. Результат сообщим дополнительно».

– О-о-ох, намаемся мы с этим делом, – нараспев протянул Лимакин. – У Головчанского имелся билет до Симферополя на вечерний субботний рейс из Новосибирска. В Николаевку он должен был прибыть по московскому времени в тот же день. Насколько известно, утром в субботу Александр Васильевич был уже мертв, а телеграмма за его подписью из Николаевки все-таки отправлена...

– По всей вероятности, кто-то основательно спутал карты Головчанского, – перечитывая телеграмму, сказал Бирюков.

– А может, преступник или преступница уже в Крыму и пытается сбить нас с толку?

– Сомневаюсь. Это же явно на след выводит. Скорее всего, Александр Васильевич имел намерение провести отпуск где-то в другом месте и почему-то хотел то, другое, место скрыть от жены.

– Может, из-за любовницы?

– Возможно.

– Но у него ведь билет был куплен до Симферополя и путевка в пансионат «Солнечный»...

– Это и меня в тупик ставит.

– Знаете, братцы, – заговорил Голубев, – я продолжаю вынашивать версию, что Головчанский сам отравился. Понял человек, что запутался в жизни, и...

Бирюков вздохнул:

– Очень, Слава, хочется, чтобы твоя версия подтвердилась. Сам запутался – сам ответил. Но чувствую, что свалилось на наши головы далеко не ординарное преступление.

9. Провокация

День выдался таким теплым и солнечным, что даже не верилось в начало осени. За открытым окном кабинета в могучих старых соснах перекликались пичуги, а в кабинете Антон Бирюков вел трудный разговор с Олегом Тумановым, который с подозрительным упорством продолжал отстаивать честь своего бывшего шефа. От внимания Бирюкова не ускользнуло, что за прошедшие со дня смерти Головчанского четверо суток Туманов сильно изменился. Он, казалось, постарел, ссутулился. Усталые глаза смотрели отрешенно.

Потратив впустую более получаса, Бирюков повернул разговор по-иному:

– Олег, скажи откровенно: почему так упорно выгораживаешь Головчанского?

– Я не выгораживаю. Просто не хочу говорить того, в чем не уверен.

– В чем ты не уверен?

– Во многом.

– Неужели считаешь, что из твоих показаний мы немедленно станем делать выводы?

– Ничего я не считаю...

– Ну а в чем дело? Чего боишься?.. Поверь, я чувствую, что ты не откровенен со мной. Вот уже который раз задаю вопрос: «Что могло привести Головчанского на твою дачу?» Ты повторяешь одно и то же: «Не знаю», а сам глаза в сторону отводишь...

На щеках Туманова заходили желваки. Почти минуту он, похоже, боролся с собой и наконец, набравшись смелости, заговорил:

– Весной нынче, в мае, Александр Васильевич попросил у меня запасной ключ от дачи. На следующий день вернул. Потом опять попросил и... с концом. Сказал, что потерял.

– Жена твоя, кажется, тоже потеряла свой ключ? – уточнил Бирюков.

– Надина потеря нашлась. Карман у плаща оказался дырявым, ключ провалился за подкладку, – тихо ответил Туманов и, вроде бы спохватившись, добавил: – Дача, как говорит Надя, незакрытой оставалась на ночь, так что Александр Васильевич и без ключа мог туда попасть.

– Для чего ему весной ключ понадобился?

– Я не спрашивал.

– Олег, мы не дети. С кем Головчанский встречался на твоей даче?

Туманов посмотрел Бирюкову в глаза:

– Честно, не знаю.

– Согласись, не один же он там проводил время... И не с Софьей Георгиевной...

Туманов молчал.

– Какие отношения были у Головчанского с нормировщицей Стрункиной?

– Самые обычные... Тося симпатичная, веселая женщина. Александр Васильевич иногда с нею шутил, но лично я ничего тайного в их отношениях не замечал. Краем уха слышал в ПМК разговор, будто Иван Тимофеевич из-за сапог приревновал Тосю. Так Головчанский к этим сапогам отношения не имеет. Тося при мне купила сапоги у Алексаняна. Не знаю, зачем она представление с ними разыграла.

– Алексанян еще и сапогами торгует?

– Он по нормальной цене продает. Женщины наши осаждают Хачика просьбами. На юге зимние сапоги купить проще, чем в Сибири...

Бирюков чуть задумался:

– Олег, в ПМК работала секретарем-машинисткой... Огнянникова, да?..

Туманов мгновенно изменился в лице:

– Ну, работала...

– За что Головчанский ее уволил?

– Александр Васильевич не увольнял Огнянникову. Он предложил Анне место инспектора отдела кадров. Анна отказалась и написала заявление по собственному желанию.

– Чем это было вызвано?

– Я попросил Александра Васильевича... – На губах Туманова мелькнула виноватая улыбка. – Анна Огнянникова – моя первая жена. Не хотелось постоянно видеться с ней на работе, когда она целыми днями сидела за машинкой в приемной начальника ПМК.

Олег провел ладонью по вспотевшему лбу и, не дожидаясь последующих вопросов, словно хотел отвести разговор от Головчанского, стал рассказывать о своей первой, неудавшейся женитьбе. Было это около семи лет назад. Сошлись они с Огнянниковой, когда ей только-только исполнилось восемнадцать лет, а Туманов уже успел отслужить на флоте. Почти два года прожили мирно, в ладу. Может, и дольше бы жили, если б Анна не отмочила номер. Однажды, в Первомай, когда Олег, работавший в ту пору электриком в ПМК, находился на дежурстве, она «сильно перепила в тесной компашке и на спор устроила стриптиз». А кто-то из ребят в это время Анну сфотографировал. После такого «номера» Туманов не стал жить с Огнянниковой ни одного дня, хотя Анна горько раскаивалась. Через полгода Олег женился на Наде.

– Огнянникова не вмешивается в ваши семейные отношения? – спросил Антон.

– Чего ей вмешиваться? Детей у нас не было, алименты платить не надо. Развелись официально, без оскорблений.

– Как ее отчество?

– Леонидовна.

– Лет сколько?

– Теперь уже двадцать шестой год.

– В райпо товароведом работает?

– Ну...

Бирюков посмотрел в печальные глаза Туманова и внезапно спросил:

– Олег, что у тебя на душе? Не скрывай... По глазам вижу, что крепко переживаешь...

Туманов принялся рассматривать аккуратно подстриженные ногти. Через несколько секунд тихо проговорил:

– Меня кто-то провоцирует. На испуг берет, что ли...

– Да? Каким образом?

– Какая-то женщина звонила мне домой и сказала, что якобы Александра Васильевича отравила моя Надя.

– Припомни-ка, Олег, этот разговор...

– Припоминать почти нечего... Вечером зазвонил телефон. Я ответил и слышу: «Олег, тебе известно, что твоя преподобная Надюша отравила Головчанского?» Я растерялся, спросил: «Кто это говорит?» – «Все в райцентре говорят». И трубку сразу положили.

– Голос звонившей не узнал?

– Показалось, будто Софья Георгиевна Головчанская, но, когда одумался, понял, что не она.

– Почему?

– Голос был нетрезвым... А у Софьи Георгиевны, как мне говорил Александр Васильевич, к спиртному аллергия...

– Она не ревновала мужа к твоей жене?

– Не было поводов...

– С женой говорил о звонке?

– Говорил. Ей, оказывается, уже дважды звонила пьяная женщина и даже угрожала, что если Надя сама не расскажет следователям о преступлении, то это и без того станет известно кому следует...

– Может, Огнянникова решила свести с Надей счеты? Как-никак соперницы...

– Нет, голос Анны сразу узнал бы. Да и не способна Анна на такое, она незлопамятная.

«Провокация» заинтересовала Бирюкова самым серьезным образом. Он долго беседовал с Тумановым, стараясь нащупать хотя бы тонюсенькую ниточку к разгадке провокационного звонка, но Туманов больше того, что уже сказал, ничего добавить не смог.

– Давай, Олег, договоримся: если еще какие-то провокации будут, немедленно сообщи мне. И пусть Надя, пожалуйста, ко мне зайдет. Договорились?..

Бирюков протянул на прощанье руку. Туманов вяло ответил на рукопожатие, наклонил голову и вышел из кабинета. Вскоре к Бирюкову заглянул Голубев:

– Игнатъич, Тося Стрункина здесь. Приглашать?

– Пригласи.

Голубев широко распахнул дверь. Антон мельком посмотрел на вошедшую Стрункину и не заметил на ее лице ни растерянности, ни испуга, ни настороженности, с которыми – в зависимости от характеров – обычно приходят вызванные повесткой свидетели. Бодренко сказав «здрасьте», Тося села на предложенный Бирюковым стул и как ни в чем не бывало кокетливо улыбнулась:

– Успокоился мой муженек, так что ни в какую прокуратуру подавать заявления не будет.

– Я пригласил вас по другому делу, – сказал Антон.

Тося удивленно моргнула:

– Что такое?

– Нас интересует причина смерти Головчанского...

– А я разве знаю, от чего Александр Васильевич умер? Очень крепкий, жизнерадостный мужчина был и вдруг... Наверное, инфаркт, да?..

– Его отравили.

Стрункина резко, словно ее толкнули в спину, подалась вперед:

– Ой, ужас! Кто?..

– Давайте вместе подумаем. Действительно, кто мог это сделать?

– Провалиться сквозь землю, не знаю! – Тося нервно сцепила тонкие пальчики. – Александр Васильевич настолько прекрасный человек был, что прямо прелесть! На подчиненных никогда голоса не повышал, всегда с улыбочкой. Если что не так, спокойно разберется, объяснит по-умному и шутливо погрозит: смотри, мол, больше такого, лапушка, не делай. Это у Александра Васильевича любимое словечко было – «лапушка». Короче, от него все сельстроевские женщины без ума были.

– А он от женщин?..

– Ну, как вам это... – Тося смущенно опустила глаза. – С женщинами Александр Васильевич был очень внимателен, вежлив, любил пошутить, новый анекдот рассказать. Ой, сколько он анекдотов знал – нарочно не придумаешь!.. Но не приставал к женщинам, как некоторые наглые мужчины.

– Как, например, Алексанян? – быстро спросил Антон.

Стрункина вроде бы вздрогнула:

– А при чем тут Алексанян?

Бирюков улыбнулся:

– Для примера. Чего вы испугались?

Лицо Тоси зарозовело:

– Ну... Хачик, конечно, нахальный тип, но мы ведь разговариваем о Головчанском. Я понимаю, почему меня в угрозыск вызвали. Мой Иван Тимофеевич от ревности взбесился и всей улице сплетню разнес насчет Александра Васильевича. Не верьте Ивану... Конечно, я немного виновата. В железнодорожный праздник Иван часы в подарок на работе получил, ну

а я как раз в День строителя на собственную премию купила сапоги и тоже решила прихвастнуть, мол, лично начальник ПМК подарил за хорошую работу...

– Сколько заплатили Александяну за сапоги?

Тося растерянно посмотрела на молчаливо сидящего Голубева и опять повернулась к Бирюкову:

– Ой, вы все знаете, да?.. Ни копейки лишней Хачик с меня не взял. Копеечка в копеечку, как на штампике, заплатила. Ну а Иван Тимофеевич по ревности из мухи слона раздул.

– Последний ваш семейный конфликт произошел не из-за сапог, – сказал Бирюков. – Кто у вас в доме был в ту ночь?

Стрункина еще раз кинула испуганный взгляд на Голубева:

– Я товарищу рассказывала. Истинная правда, никого не было. Днем заходил какой-то любитель выпить. Сказал, друг Ивана Тимофеевича, но...

– Но это истинная неправда, – перебил Антон. – Хотите, скажу, кто от вас ушел через окно? Сказать?..

– Ой, не надо! Лучше я сама... – Тося принялась разглаживать на коленях платье. – Знаете, в общем, это... Хачик Александян приходил. Уже потемну непрошенным гостеньком заявился. Бутылку коньяка принес, ну и, понятно, давай, мол, сапожки обмоем, чтоб лучше носились. Я говорю: «Убирайся, нахалюга, немедленно!» А он: «Ха-ха! Не уберусь, пока бутылку не разопьем. Темно на улице, дорогу не найду, понимаешь, да?» – «Убирайся! – кричу. – Стрункин утром с работы вернется – тебе фонарей насветит, а мне голову ни за что свернет». Хачик – ноль внимания. Зубы скалит. Тогда я выскочила на веранду и комнатную дверь защелкой – хлоп! Он вроде надавил плечом – не тут-то было. Щелка у нас крепкая. Остался, наглец, в доме. Коньяк весь высосал и табачищем надымил, как паровоз. А я, истинная правда, всю ноченьку, как на иголках, на веранде просидела. Когда Иван утром забарабанил кулачищем по двери, Хачик без подсказки сообразил, что улепетывать через окно надо. – Тося умоляюще посмотрела на Бирюкова. – Не рассказывайте об этом Ивану. Он житья мне не даст, если про Хачика узнает. Это ж не уголовное дело, а семейное. Так ведь?..

– В семейные дела мы не вмешиваемся, – успокоил Антон и повернулся к Голубеву: – Слава, быстренько разыщи Александяна, уточни у него эти показания.

– Ой, да чего уточнять! – воскликнула Стрункина. – Если Хачик станет отпираться, бесстыжие глаза его выцарапаю!

Когда Голубев вышел из кабинета, Бирюков снова спросил Стрункину:

– На Головчанского в тот вечер Александян не жаловался?

– А чего шабашнику жаловаться, – быстро проговорила Тося. – Александр Васильевич хорошо к нему относился. Бывало, если по нормированию с наемной бригадой какая заминка получится, Головчанский тут как тут: «Не обижай, лапушка, Александяна. Хачик наша беда и выручка».

– Почему «беда»?

– Ну это у Александра Васильевича такая поговорка была.

– Вы, нормировщица, знали о том, что наемной бригаде платят по завышенным расценкам?

– Об этом все в ПМК знают, и нормировщики тут ни при чем. Нам как начальство прикажет, так и пронормируем. А вообще, надо сказать, шабашники строят хорошо. У них днем с огнем на объектах брака не отыщешь, потому что за переделки им ни копейки не оплачивают. Вот и стараются, чтобы сразу все сделать добросовестно да премию за досрочный ввод объекта отхватить.

Постепенно Антон Бирюков перевел беседу к взаимоотношениям Головчанского с подчиненными. Стрункина оказалась из тех женщин, которые «знают» буквально все и обо всем имеют собственное мнение. На вопросы Тося отвечала быстро, почти не задумываясь. Судя по

ее бойким ответам, в коллективе ПМК не было ни единого человека, кто хоть раз бы сказал о Головчанском плохое слово. Так же хорошо она охарактеризовала и Олега Туманова, много лет бесценно возившего Александра Васильевича на персональной машине.

– Вот в семейной жизни Олегу капитально не везет, – чуть передохнув, добавила Тося.

– Почему? – спросил Антон.

– Первый раз женился на Аннушке Огнянниковой. Она, конечно, очень красивая, но такая непостоянная, ну прямо ветер в голове. Потом Надю-медичку взял. Эта женщина хорошая, но опять же – пятый год ребенка дожидаться не могут. Теперь, правда, вроде намечается. Уж хоть бы повезло мужику, страсть сына Олег хочет.

– А как Огнянникова на это смотрит?

– А что ей смотреть? Огнянникова давным-давно про Олега забыла. За ней ухажеры табуном ходят.

– Не обиделась она, что пришлось уйти с должности секретаря-машинистки?

– Ой, да какая Аннушка машинистка! Кое-как двумя пальчиками клопов давила. Она ж продавщица по специальности. Помню, в хозяйственном магазине работала. Накрашенная, как артистка, сидит нога на ногу, только сигареты не хватает. Мне ведро оцинкованное надо было купить. Спрашиваю: «Сколько это ведерко стоит?» Аннушка в ответ, не поверите, скривила губки: «А фиг его знает...»

– Как же теперь товароведом работает?

– За красивую внешность какой-нибудь райповский начальник пригрел. Красивым женщинам намного легче устроиться в жизни, чем таким, как я.

Бирюков улыбнулся:

– Что уж вы так прибедняетесь?

Тося кокетливо повела глазами:

– Конечно, и на меня некоторые мужчины засматриваются. Только я ведь не Огнянникова, которая первому, кто пальцем поманит, готова на шею броситься.

– Головчанский на вас не засматривался?

– Ой, не надо! Александр Васильевич, во-первых, был порядочным человеком, а во-вторых, даже если бы он что-то и поимел в уме насчет меня – ни за какие прелести не согласилась бы! В райцентре такие делишки незамеченными не остаются. Тут каждый друг у друга на виду. Не приведи господи, дошли бы разговорчики до Софьи Георгиевны. Знаете, какая она ревнивица? Ужас! Месяц назад мы с Александром Васильевичем в совхоз «Победитель» ездили, на строящийся комплекс. Олег Туманов то ли на рыбалку, то ли еще куда-то отпросился, ну и Александр Васильевич сам был за рулем, то есть вдвоем мы с ним туда и обратно съездили. На следующий день кто-то нашушукал Софье Георгиевне. Она позвонила мне на работу и так отчихвостила, будто я и вправду что-то нехорошее сделала. Иванушке моему вдобавок доложила об этой поездке, поэтому он и взъярился, как бодливый бык.

– Кто из знакомых видел вас вдвоем с Головчанским в машине?

– Мы ни от кого не прятались. Не на любовное ж свидание ездили, а по работе. Я и с мастерами, и с прорабами, и с главным инженером часто на объекты езжу – работа такая. И ни у кого из них жены не поднимают тарарам. А тут... С самим начальником ПМК рядом в машине десять километров проехала...

Зазвонил телефон. Подполковник Гладышев попросил Бирюкова срочно зайти к нему. Антон быстро закончил разговор со Стрункиной и предупредил Тосю, что, возможно, ее еще пригласят в уголовный розыск или в прокуратуру. Тося обиженно усмехнулась:

– Хоть сто раз приглашайте, я одно и то же говорить буду. Никаких секретных дел с Головчанским у меня не было.

10. Намечается посредник

В кабинете начальника райотдела, кроме Гладышева, сидели следователь Лимакин и судмедэксперт Борис Медников.

– Какие новости? – сразу спросил Гладышев Бирюкова.

Антон неторопливо пересказал содержание своей беседы с Олегом Тумановым, затем – с Тосей Стрункиной. Подполковник насупил седые брови:

– Послушай теперь следователя. Петр сегодня громаднейшую работу проделал...

Лимакин машинально поправил лежащий на коленях портфель и стал рассказывать. По плану в этот день он наметил побывать в районных учреждениях, где имеют дело с гранозаном, чтобы выяснить, кто и в каком количестве брал там в последнее время этот сельскохозяйственный яд. Созвонившись с управлением сельского хозяйства, узнал, что в чистом виде гранозан имеется только на складе «Райсельхозхимии». На районном элеваторе хранится около двадцати тонн семенной кукурузы, обработанной гранозаном, а в лаборатории контрольно-семенной станции есть небольшие пробные партии протравленных семян для определения их всхожести. И все.

Разумеется, первым делом Лимакин направился в «Райсельхозхимию». При проверке там оказалось в наличии полторы тонны гранозана. Упакован он был в стандартные металлические банки с плотными крышками и хранился в закрытом на замок складе с соблюдением всех мер предосторожности. Лимакин попросил кладовщика – пожилого степенного мужчину на протезе – открыть одну из банок и увидел серовато-белый порошок, от которого исходил неприятный резкий запах. Закрывая банку, кладовщик объяснил, что в зависимости от наполнителя гранозан, кроме серовато-белого, бывает розового или желтоватого цвета. Затем показал Лимакину приходно-расходные журналы, откуда явствовало, что последний раз гранозан отпускался со склада в июле механизированному отряду «Сельхозхимии» для обработки семян озимой ржи по договору, заключенному с колхозом «Гранит», а наиболее массовый расход этого ядохимиката наблюдался в марте – апреле, когда обрабатывались семена зерновых перед весенним севом. Частным лицам, по уверению кладовщика, гранозан вообще ни разу не отпускался, поскольку это категорически запрещено.

Еще скупер сведения почерпнул Лимакин на элеваторе. Затаренные в мешки зерна семенной кукурузы здесь хранились, как говорится, под семью замками с соблюдением санитарных требований, и, по словам директора элеватора, «наскрести с них гранозана, чтобы кого-то отравить, просто-таки невозможно».

В контрольно-семенной станции Лимакину показали сшитые из полотна небольшие кулечки, в каждом из которых находилось не более килограмма протравленного зерна. Кулечки были плотно зашиты. На прикрепленных к ним бирках указывались названия хозяйств, откуда семена поступили на проверку. Разговорившись с заведующей станцией о Головчанской, Лимакин узнал довольно любопытное.

– Представляешь, Игнатъевич, – обращаясь к Бирюкову, сказал следователь, – вчера утром Софья Георгиевна приходила на работу оформлять отпуск и во всеуслышание заявила, что Александра Васильевича отравила Надя Туманова.

– Откуда у нее такие сведения? – спросил Бирюков.

– Не говорит.

– Ты встречался с ней?

– Конечно.

– Ну и что?..

– Знаешь, Софья Георгиевна какая-то оглушенная. За неполный час, как я заметил, три таблетки реланиума проглотила. – Лимакин бросил взгляд на судмедэксперта. – Мне кажется, Головчанская страх этими таблетками глушит...

Бирюков повернулся к Медникову:

– Она не отравится от такого «глушения»?

– Прежде чем отравиться, уснет, – ответил судмедэксперт. – А сон, как известно, лучшее из лекарств.

– Да ей и не дадут отравиться, – снова заговорил Лимакин. – Там полный дом родственников, следят за каждым шагом. Честно говоря, пожалел, что зашел туда. Надо бы, как положено, в прокуратуру пригласить, а я поспешил, поскольку на работе Софьи Георгиевны не было.

– Что она говорит о Наде Тумановой? – снова спросил Антон.

– Сумбурную околесицу несет. То вроде сон кошмарный вспоминает, то какой-то роковой телефонный звонок, который якобы «открыл ей глаза». Любопытно, на работе обвинила Надю Туманову, а в разговоре со мною несколько раз повторила, что Тося Стрункина – любовница Головчанского. Потом себя стала обвинять. Дескать, сама разрешила мужу завести любовницу. Словом, мне показалось, что Софья Георгиевна или невменяема после душевного потрясения, или симулирует невменяемость.

– Назначь психиатрическую экспертизу.

– Говорил с прокурором. Семен Трофимович советует денек-два подождать. Может, это у нее под впечатлением похорон.

– Как бы она за эти дни дровишек не наломала.

– Родственникам наказал, чтобы не оставляли без присмотра.

В разговор вмешался Борис Медников:

– С Надей Тумановой дело плохо, товарищи сыщики.

Бирюков удивленно обернулся к судмедэксперту:

– Что с ней?

– Обращалась в гинекологическое отделение, чтобы прервать беременность. С чего бы это?..

– Seriously?

– Вполне. На дежурство последнее время приходит сама не своя, какая-то отрешенная. Вчера, кстати сказать, в ординаторской цветок полила вместо воды спиртом. Колбочка на подоконнике рядом с графином для питья стояла. Можете себе представить такое? У меня аж сердце кольнуло.

Лимакин чуть улыбнулся:

– Спирту пожалел?

– Спирт – куда ни шло, человека жалко, – хмуро пробурчал Медников. – Пробовал потолковать с Надей откровенно – расплакалась и убежала.

– Не телефонная ли провокация на Тумановых так сильно подействовала?.. – высказал предположение Бирюков. – Когда порядочные люди сталкиваются с подлостью, они переживают очень болезненно.

Судмедэксперт вздохнул:

– Может быть, но... Зачем Тумановой прерывать беременность, если она хотела ребенка?

Подполковник Гладышев указательным пальцем резко потер насупленные брови. Будто сам себе задал вопрос:

– Кто же этот таинственный провокатор?..

– Головчанская, – быстро сказал следователь.

– Тебе-то она что-нибудь определенное сказала о Тумановой?

– Нет.

– Но ведь не с бухты-барухты выплыло столь серьезное обвинение... У кого какие сообщения на этот счет?

Все промолчали.

– Нечего сказать? Что ж, придется подбросить вам дополнительные факты для размышлений... – Подполковник вынул из стола небольшой пакет с красной наклейкой «Авиа» и передал его Бирюкову. – Вот прислали из Николаевки подлинник телеграммы номер 245, которую умудрился, не выезжая из Сибири, отправить своей жене Александр Васильевич Головчанский.

Бирюков вытащил из пакета протокол выемки документов и два бланка телеграмм Министерства связи. Один из бланков, белого цвета, был совершенно чистым, другой – синий, заполнен размашистым мужским почерком с росписью Головчанского.

Подполковник быстро подал Антону еще один синий бланк, но незаполненный:

– Вот это из нашего узла связи – сравни...

Оба синих бланка – и заполненный, и чистый – были отпечатаны в Нижнем Тагиле типографией «Свердуприздата». По выходным типографским данным они в точности соответствовали друг другу. На белом бланке, взятом, как сообщалось в сопроводительном письме, для сравнения из Николаевского отделения связи, были оттиснуты выходные данные Медынской типографии.

Подождав, пока Бирюков и Лимакин поочередно ознакомились с документами, Гладышев спросил:

– Как вам этот фокус нравится?

– Не оригинальный, – ответил Бирюков. – Головчанский заранее планировал появиться в пансионате позднее срока, указанного в путевке, и, чтобы не вызвать у жены подозрений, через посредника опередил события.

– Кто этот посредник?

– Вероятно, кто-то с юга... Если рассуждать логически, то Александр Васильевич отправил написанную телеграмму в Николаевку почтой, обговорив с посредником в письме или по телефону число и время, когда ее следует передать на телеграф.

– Допустим. Однако письмо с телеграммой он должен был отправить не позже как за неделю, а отъезд из райцентра у него сорвался в самый последний момент, когда Хачик не принес на вокзал деньги. Возникает вопрос: что замышлял Головчанский? И почему у него в кармане оказался авиабилет, по которому он должен был прилететь в Симферополь и приехать из аэропорта в Николаевку именно в тот день и в то время, когда подана оттуда телеграмма?..

– Вот это пока загадка, Николай Сергеевич...

Дверь кабинета распахнулась. Появившийся на пороге Голубев громко проговорил:

– Прошу разрешения, товарищ подполковник!

– Не шуми, – ответил Гладышев. – Входи, докладывай.

Голубев тихонько прикрыл за собой дверь, сел рядом с Лимакиным и посмотрел на Антона Бирюкова:

– Алексанян полностью подтвердил показания Стрункиной. До него, кажется, дошло, в какую заваруху влип. Поэтому уже не запирается. Дело было так. В пятницу, после конфликта с Головчанским, Хачик от расстройства решил гульнуть. Купил в районном ресторане бутылку «Плиски» и отправился к Анне Огнянниковой, с которой третий месяц дружит...

– Огнянникова – товаровед райпо? – уточнил Антон.

– Так точно. Анна Леонидовна. Ее дома не оказалось. Тогда Хачик вспомнил Тосю Стрункину. Та, покупая у него сапоги, «строила глазки». И потопал к ней. Дальше все, как Тося рассказывала...

– О Головчанском Хачик нового не сказал?

– Нажимает на то, что Александр Васильевич самым бессовестным образом вымогал деньги. Ну это понятно: старается групповое хищение по предварительному сговору перевер-

нуть на вымогательство взятки, чтобы из воды сухим выйти. А вот насчет Крыма интересная новость есть. В Николаевке живет отец Хачика, Геворк Тигранович Алексанян. Работает завхозом в пансионате «Солнечный». В августе прошлого года Головчанский целый месяц у него дома отдыхал, а нынче в пансионат собирался.

Бирюков повернулся к подполковнику:

– Вот он, посредник!

Гладышев сразу повеселел:

– Да, вроде намечается... Надо немедленно послать телеграмму в Николаевский отдел милиции, чтобы побеседовали с Геворком Тиграновичем.

На столе подполковника проурчал телефон. Гладышев ответил и протянул трубку Медникову:

– Тебя, Борис, спрашивают. Из больницы.

Медников разговаривал не дольше минуты. По его отрывочным фразам Бирюков догадался: произошло что-то серьезное. Закончив разговор, судмедэксперт хмуро сообщил:

– «Скорая помощь» доставила в больницу Максима Марковича Пятенкова с острым отравлением.

– Старика, которому Головчанский оставил ключ от своей дачи? – удивился следователь Лимакин.

– Его... Подняли без сознания у ларька, где стеклопосуду принимают.

11. Опять гранозан

Пятенков лежал в одноместной палате. Укрытый до подбородка белой простыней, он походил на худенького подростка, и только морщинистое, небритое лицо выдавало возраст. Глаза старика были закрыты, а дыхание настолько слабое, что Антону Бирюкову, когда он вместе с судмедэкспертом и следователем зашел в палату, показалось, будто Максим Маркович мертв.

Медников приподнял простыню и обхватил пальцами запястье старика, чтобы нащупать пульс. Старик открыл глаза и заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.